

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 4 (24) 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Деревянко А.П. К вопросу о формировании пластинчатой индустрии и микроиндустрии на востоке Азии 2
Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. Проблемы хронологии и культурной периодизации памятников мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья 30

ЭПОХА НЕОЛИТА

- Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура 40
Ахметгалеева Н.Б. Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки-7 70

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

- Советова О.С. О возможностях использования наскальных изображений в качестве источника по истории военного дела племен тагарской эпохи 77

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья 85
Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале 101
Росляков С.Г. Курганный могильник Санаторный-1 и вопросы этнокультурной интерпретации памятников развитого средневековья Верхнего Приобья 115

ЭТНОГРАФИЯ

- Бауло А.В., Истомин М.Л., Федорова Н.В. Средневековые бронзовые изделия: новые находки на севере Западной Сибири 126
Мыглан В.С., Ваганов Е.А. Эпидемии и эпизоотии в Сибири в XVII – первой половине XIX века и длительные изменения климата 136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Интернациональный конгресс “Актуальная археология: современные исследования – глобальное сотрудничество”, посвященный 175-летию Германского археологического института 145

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 147

- СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2000–2005 ГОДАХ 148

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПЛАСТИНЧАТОЙ ИНДУСТРИИ И МИКРОИНДУСТРИИ НА ВОСТОКЕ АЗИИ

Введение

Наиболее актуальные аспекты проблемы пластинчатой индустрии связаны с определением места и времени зарождения на востоке Евразии пластинчатых и микропластинчатых технологий, а также их распространением на сопредельных территориях. Генезис пластинчатой и микропластинчатой техник в Северной, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии несколько десятилетий привлекает внимание ученых многих стран.

За последние 80 лет археологами на территориях Сибири, Монголии, Китая, Японии, Кореи, Америки и др. регионов открыты сотни археологических местонахождений, относящихся к 30–10 тыс. л.н. Исследованные стоянки характеризуются особым пластинчатым технокомплексом и определенным единством признаков первичного расщепления, вторичной обработки, а также сочетанием определенных типов каменных орудий. Вопросы, касающиеся определения территории и времени возникновения этого удивительного индустриального технокомплекса, многие сходные черты которого прослеживаются на огромном пространстве восточной части Евразии, обсуждались в сотнях статей, на многих региональных и международных конференциях. Остановлюсь только на некоторых точках зрения.

В 1923–1924 гг. П. Тейяр де Шарден и Е. Лисан проводили раскопки в долине рек Шуйдунгоу и Шарассогол. В Шуйдунгоу они обнаружили нуклеусы, с которых снимались пластины. Исследователи пришли к выводу, что найденные ими каменные орудия относятся к культуре, которая распространялась от оз. Байкал до Японского моря [Licent, Teilhard de Chardin, 1925].

Позднее П. Тейяр де Шарден и Пэй Вэньчжун [1944] выдвинули гипотезу о происхождении китайской микропластинчатой индустрии от более ранней палеолитической, развивавшейся в районе оз. Байкал. Из Южной Сибири микропластинчатая индустрия распространилась далее на юг в Северный Китай, где в результате смешения пришлых и местных технологических традиций сформировался китайский вариант микролитической культуры. Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ю Юйчжу [1972] после раскопок стоянки Чжиюй предложили новую схему развития палеолитических индустрий Северного Китая. Они пришли к выводу, что основой микролитической индустриальной традиции этого региона Центральной Азии является индустрия местонахождения Чжоукоудянь I. Продолжение данной традиции демонстрируют материалы местонахождений Чжоукоудянь-15, а также Салавасу (р. Шарассогол), Хоугэдафэн, Чжиюй (пров. Шаньси, Китай) и Сяонаньхай (пров. Хэнань, Китай). Эта схема развития пластинчатых и микропластинчатых индустрий Северного Китая до настоящего времени поддерживается многими китайскими археологами. Ю.А. Мочанов также считал, что истоки дюктайской культуры могли находиться в Северном Китае между Амуром и Хуанхэ [1977]. По мнению А.П. Окладникова, микролитическая традиция, представленная в Северной, Центральной и Восточной Азии, сформировалась на востоке Монголии и по происхождению связана с леваллуазским первичным расщеплением [1981; Окладников, Деревянко, 1977].

Попытки коррелировать пластинчатые комплексы неоднократно предпринимались российскими и зарубежными исследователями. Главная трудность при выявлении исторических параллелей – отсутствие надежных и общепринятых критериев оценки мате-

риалов местонахождений, очень удаленных друг от друга во времени и пространстве.

Более 30 лет назад подходы к решению этой проблемы пытались найти японский ученый К. Хаяси [Hayashi, 1968] и американский исследователь Д. Смит [Smith, 1974]. С точки зрения К. Хаяси, морфологическая типология и статистический анализ вносят слишком много субъективного и случайного. Поскольку морфологические признаки, которые обычно являются основой статистического анализа, отражают различия в оформлении артефактов, он считал, что при корреляции технокомплексов следует использовать технологический метод, реконструирующий последовательность производства каменных изделий. В технологии К. Хаяси выделял два основных момента: изготовление и эксплуатацию орудий, отдавая при этом предпочтение процессу производства. Для обозначения способов производства К. Хаяси ввел понятие “технологическая технология”. Д. Смит, изучив коллекции с микропластинами и микронуклеусами, пришел к выводу, что распространение специфической техники изготовления отдельных категорий изделий является одним из признаков культурных связей, кроме того, следы применения определенных технических приемов помогают объяснить причины появления этих связей (диффузия или миграция). Формальная типология (морфотипология), по его мнению, должна подкрепляться технологическими реконструкциями (техническая типология).

Технологический анализ позволил М. Ёсидзаки [1962], Р. Морлану [Morlan, 1967, 1970], К. Хаяси [Hayashi, 1968], Д. Смигу [Smith, 1974] установить, что на территории Евразии и Северной Америки использовались несколько технических приемов подготовки и оформления нуклеусов для снятия пластин и микропластин. М. Ёсидзаки по материалам поселения Сиратаки-32 (о-в Хоккайдо) удалось проследить весь технологический процесс; им были определены клиновидные нуклеусы и сколы, связанные с оформлением нуклеусов (тип юбетсу). К. Хаяси среди материалов из пещеры Фукуи (Япония) по технологическим признакам выделил три основные группы нуклеусов: полуконические, атипичные лодкообразные и типичные лодкообразные. По его мнению, принципиальные различия между техниками фукуи и юбетсу определяются исходной формой заготовки, оформлением ударной площадки и последовательностью подготовки клинообразного лезвия. Р. Морлан [Morlan, 1967] на стоянке Хорокодзава (о-в Хоккайдо) выявил признаки техники хороко. М. Ёсидзаки [1967] и Р. Морланом [Morlan, 1967, 1971] были выделены черты техники осороко и близких к ней техник товарубетсу и тогесита.

В 60-е гг. прошлого столетия появилось много новых приемов изучения местонахождений с пластинчатой индустрией.

В конце XX – начале XXI в. не прекращались попытки разработать на новом фактическом материале подходы к классификации приемов и техники первичной обработки нуклеусов для снятия пластин [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998; Деревянко, Волков, Петрин, 2002]. Исходя из различий технических приемов оформления нуклеусов, многие специалисты пытались коррелировать памятники восточной части Евразии и Северной Америки. По главным вопросам, касавшимся причин формирования пластинчатой индустрии на обширной территории Евразии, а также определения места и времени ее становления, высказывались разные точки зрения. В качестве прародины индустрии назывались территории Монголии, Китая, Забайкалья и Прибайкалья.

В настоящее время можно считать установленным, что на значительной части Евразии переходные от среднего к верхнему палеолиту и ранневерхнепалеолитические индустрии характеризуются пластинчатым первичным расщеплением, использованием для изготовления таких орудий труда, как скребки, резцы, проколки, вкладышевые орудия и т.д., пластин и микропластин, широким применением костяных изделий, проявлением символической деятельности человека. Поэтому решение проблемы появления пластинчатой индустрии в восточной части Евразии также необходимо связать с поиском переходных от среднего к верхнему палеолиту индустрий.

Ранне- и среднепалеолитические индустрии Евразии и переход к верхнему палеолиту

В последней четверти прошлого века археологами, антропологами, палеогенетиками и другими специалистами было доказано, что прародиной человека является Африка. Наиболее древние стоянки человека с каменными орудиями (чопперы, чоппинги, сфероиды, полиэдры, грубо ретушированные отщепы) дислоцируются в основном в Восточной Африке в районе Восточно-Африканского рифта, тянущегося в меридиальном направлении от впадины Мертвого моря через Красное море и территории Эфиопии, Кении, Танзании. Появление гипотезы “внетропической прародины человека” Ю.А. Мочанова можно объяснить непрофессионализмом и отрицанием фундаментальных знаний или/и фальсификацией фактов.

Накопленный мировой археологией фактический материал позволяет проследить в Евразии движение двух глобальных миграционных потоков [Деревянко, 20056]. Представители первой миграционной волны *Homo ergaster* – *Homo erectus*, двигаясь из Африки (2–1,8 млн л.н.), в течение нескольких сотен тысяч лет заселили значительную часть материка в Северном полушарии. Для них характерна индустрия олду-

вайского типа. На территории Горного Алтая свидетельством этого процесса являются стоянки в районе р. Карама возрастом 400–800 тыс. лет [Деревянко, Шуньков, Зыкин и др., 2002, Стоянка..., 2005].

Вторая миграционная волна связана с распространением в Евразии позднеашельской индустрии, основными индикаторными элементами которой следует считать признаки леваллуазского первичного расщепления и бифасы, причем последние далеко не всегда представлены в позднеашельских и раннесреднепалеолитических ансамблях каменного инвентаря. Это движение, скорее всего с Ближнего Востока, началось, вероятно, 450–350 тыс. л.н. Позднеашельская, а затем раннесреднепалеолитическая индустрии в различных районах Центральной Азии проявились по-разному. На большей части происходила, видимо, аккультурация, т.е. смешение местного и пришлого населения, а также индустрий. Наиболее хорошо данный процесс отразили памятники на территории Казахстана и Монголии. На территории Таджикистана в течение длительного времени в первичной обработке камня доминировала галечная традиция; здесь высока доля галечных орудий. В Горном Алтае пришлое население не встретило более древних популяций. Представители первой миграционной волны, видимо, под влиянием похолодания ушли в более южные широты. Позднеашельская – раннесреднепалеолитическая индустрия была результатом только эволюционных процессов во взаимодействии с окружающей средой.

Можно выделить три зоны (африканская, евразийская, китайско-малайская), в которых на протяжении всего среднего палеолита развивались отличные друг от друга индустрии [Деревянко, 2005б]. Черты различий хорошо демонстрируют также индустрии переходного периода от среднего к верхнему палеолиту и раннего этапа верхнего палеолита. На современном уровне знаний, исходя из анализа каменной индустрии, мы вправе рассматривать три глобальные модели перехода от среднего к позднему палеолиту: африканскую (представлена атерийской традицией), евразийскую (характеризуется стандартизацией форм пластинчатого расщепления и микрорасщеплением), китайско-малайскую (отличается отсутствием признаков леваллуазского первичного расщепления и наличием орудий на отщепках). На сопредельных территориях с названными зонами могут быть выявлены районы аккультурации, например Северо-Восточная Африка (Керенаика и нижнее течение Нила). В границах этих трех огромных зон в силу географической удаленности, особенностей природно-климатических условий среднего и финального этапа позднего плейстоцена и др. причин формировались свои специфические варианты перехода от среднего к позднему палеолиту.

Переход от среднего к позднему палеолиту на территории Горного Алтая

Алтайский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту хронологически и “содержательно” близок к евразийскому, особенно к его ближневосточному варианту. Это можно объяснить тем, что евразийский вариант в целом формировался на индустриальной основе, характерной для древних популяций людей второго глобального миграционного потока. С проникновением этих мигрантов на Алтай, где не было более древнего населения, началось как бы второе “первичное” заселение территории. В последующем культура и индустрия человека развивались здесь эволюционным путем, независимо от других миграционных процессов, под влиянием и во взаимодействии с природной средой, которая была в плейстоцене достаточно благоприятной для жизнедеятельности.

Сегодня древние индустрии Горного Алтая, датируемые 300–20 тыс. л.н., можно отнести к наиболее хорошо изученным на территории Евразии. В последние 20 с лишним лет Институт археологии и этнографии СО РАН, расширяя палеолитические изыскания в Сибири, Монголии, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, основное внимание уделяет изучению палеолитических комплексов в долинах рек Ануй и Урсул, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга. С 1983 г. в этом районе несколькими экспедициями одновременно исследовались шесть пещерных памятников и около десяти стоянок открытого типа. Все палеолитические местонахождения расположены не более чем в 150 км от Денисовой пещеры. Они, как правило, хорошо стратифицированы; в их отложениях выявлено 20 литологических образований и более, в основном культуросодержащих. В полевых работах на этих местонахождениях и в лабораторных исследованиях обнаруженных материалов участвовали археологи, геологи, геоморфологи, палеоботаники, палеонтологи, антропологи, геохронологи, палеопедологи и др. специалисты из ИАЭТ СО РАН и других научных учреждений СО РАН, Москвы, Санкт-Петербурга, а также ученые из других стран. По результатам работ опубликованы несколько книг и сотни статей. В вышедшей недавно монографии “Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая...” [2003] отражен итог комплексных исследований в районе Денисовой пещеры.

Разноплановое изучение разрезов пещерных и открытых стоянок позволяет полно, насколько это возможно, реконструировать реальную палеоклиматическую, палеогеографическую обстановку, состав растительных ассоциаций и животный мир в конце среднего – позднем плейстоцене.

Многослойные, хорошо стратифицированные палеолитические местонахождения Горного Алтая

отражают развитие индустрий эпохи среднего палеолита и переходного этапа к верхнему палеолиту 300–20 тыс. л.н. Расселение на данной территории в позднем ашеле – начале среднего палеолита пришедших с запада древних популяций предопределило дальнейшее развитие культуры человека на этой территории. Здесь на местонахождениях среднего палеолита представлены разнообразные технико-типологические комплексы. Различия были детерминированы не миграционными процессами, а изменениями палеоэкологических и природно-ландшафтных условий, поведенческих и адаптационных стратегий. Это, конечно, не исключало в конце среднего – позднем плейстоцене возможных контактов населения Алтая с популяциями соседних территорий, однако в основе всех изменений в технико-типологическом облике каменного инвентаря, на мой взгляд, лежали в основном причины внутреннего, а не внешнего порядка. На финальном этапе среднего палеолита на территории Горного Алтая формировались две традиции или два варианта развития индустрии верхнего палеолита – каракольская и карабумовская. Каракольский вариант хорошо прослеживается по материалам Денисовой пещеры и стоянки Усть-Каракол-1, а карабумовский – стоянки Кара-Бом [Деревянко, 2001; Деревянко, Шуньков, 2004]. Основной археологический материал, который позволяет рассмотреть динамику среднепалеолитической индустрии в Денисовой пещере 90–50 тыс. л.н., получен из горизонтов 18–12 в центральном зале и 10, 9 – на предвходовой площадке. Насыщенность культуросодержащих горизонтов неравномерная. Индустриальный комплекс представлен среднепалеолитическими артефактами, близкими по техническим и типологическим параметрам. Установлены небольшие различия между культуросодержащими горизонтами по соотношению находок, представляющих разные технологические приемы первичной и вторичной обработки и типологические формы, что указывает не на изменения или смену ранее сложившегося культурно-исторического единства, а на возможное влияние на индустрию новых адаптационных моделей, обусловленных экологическими изменениями.

Первичное расщепление характеризуется бессистемной, радиальной, леваллуазской технологиями,

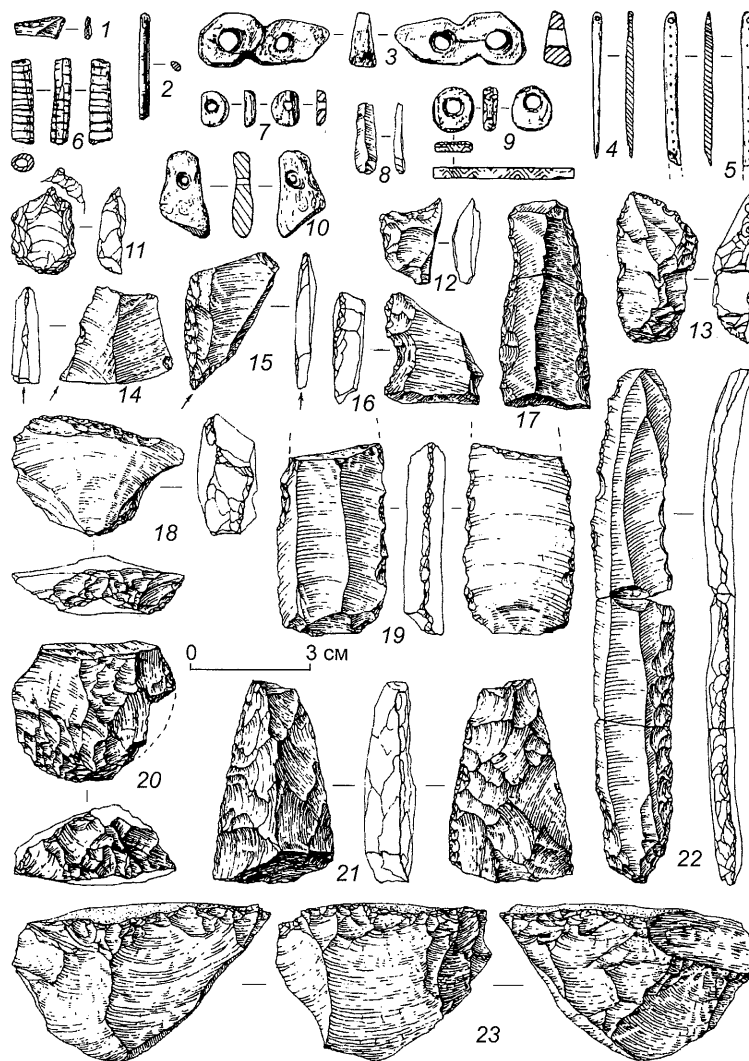

Рис. 1. Каменный и костяной инвентарь из слоя 11 Денисовой пещеры.

1 – микропластина с притупленным краем; 2, 4, 5 – иглы; 3 – заготовка бусины; 6 – пронизка; 7, 9 – бусины; 8 – микропластина; 10 – подвеска; 11, 12 – проколки; 13, 18, 20 – скребки; 14, 15 – резцы; 16 – выемчатое орудие; 17, 22 – ретушированные пластины (ножи?); 19 – зубчатое орудие; 21 – бифас; 23 – нуклеус.

но в культуросодержащих горизонтах снизу вверх растет доля ядрищ параллельного принципа расщепления и верхнепалеолитических типов изделий.

Заключительный этап в развитии индустриального комплекса Денисовой пещеры представлен слоем 11, датированным по кости с открытой датой более 37 235 л.н. (COAH-2504). В лаборатории Института популяционной генетики животных и человека М. Планка (Лейпциг) для слоя 11 из галереи Денисовой пещеры получена дата $48\,630 \pm 2\,380 \dots 1\,840$ л.н.

Главной особенностью индустрии из горизонта 11 является пропорциональность в орудийном наборе средне- и верхнепалеолитических форм (рис. 1). Среди типологически выраженных ретушированных изделий мустьерские остроконечники и скреб-

ла составляют 22,5 %. В этой группе традиционно преобладают продольные однолезвийные скребла. Собственно мустьерские формы дополняет небольшая, но типологически четко выраженная серия леваллуазских остроконечников ($PL_{ty} - 2,5$). Зубчатые орудия имеют средний показатель (12,3) среди ретушированных форм, однако вместе с выемчатыми и клювовидными изделиями доля этой группы возрастает вдвое. Наиболее высокую долю среди орудий составляет группа верхнепалеолитических изделий (29,7 %). Типологически скребки, резцы, проколки, пластины с притупленным краем, бесспорно, верхнепалеолитические. Эти категории являются самым выразительным компонентом индустрии. В инвентаре слоя 11 отмечены яркие образцы листовидных бифасов. В целом инвентарь из этого слоя по качественному составу и соотношению основных групп орудий отражает переход к новому культурно-хронологическому этапу – начальной поре верхнего палеолита.

Важным аргументом в пользу оценки найденных в слое 11 каменных артефактов как верхнепалеолитических является присутствие здесь же костяного инвентаря и украшений [Деревянко, Шуньков, 2004]. Коллекция обработанной кости включает две целые иглы и проксимальный фрагмент с ушком, пять острий-проколов (шила?) из обломков трубчатых костей крупных млекопитающих, девять подвесок из зубов животных с просверленным биконическим отверстием в корневой части, восемь пронизок из трубчатых полых костей (пять из них орнаментировано рядами кольцевых нарезок), фрагмент кольца (?) из бивня мамонта с двумя просверленными широкими отверстиями и вырезанной между ними перемычкой, фрагмент трубчатой кости неправильно-овальной формы с тщательно заполированной поверхностью и широким отверстием посередине, три стержня из стенок трубчатых костей млекопитающих (два медиальных фрагмента с заполированной поверхностью и следами резания, дистальный фрагмент с уплощенным окончанием), два фрагмента кости с просверленным отверстием со следами резания. В коллекцию входят также пять украшений из камня – две фрагментированные подвески из агальматолита и пиррофиллита с просверленным биконическим отверстием и три бусины из пиррофиллита и глинистого сланца.

Таким образом, на материалах Денисовой пещеры можно проследить эволюцию индустрии от раннего этапа среднего до начального этапа верхнего палеолита. Несмотря на некоторую вариативность, индустрия из культуросодержащих горизонтов составляет единое целое как в технологическом, так и в типологическом плане.

На стоянке Усть-Каракол в нижних культуросодержащих горизонтах 19–13, для которых имеется серия дат (слой 19 – 133 ± 33 тыс. л.н. (РТЛ-661),

18А – 100 ± 20 тыс. л.н. (РТЛ-636), 18Б – 90 ± 18 тыс. л.н. (РТЛ-638)), представлены два основных технических приема первичного расщепления – леваллуазское и параллельного снятия пластин и пластинчатых отщепов. В самых нижних культуросодержащих горизонтах наряду с типично среднепалеолитическими орудиями (скребла различной модификации, зубчато-выемчатые изделия, остроконечники и др.) выявлены верхнепалеолитические орудия (резцы, скребки, проколки, тронкированные изделия); они составляют более 10 %.

Индустрия раннего этапа верхнего палеолита четко прослеживается в культуросодержащих горизонтах 11–9 (рис. 2). Для этой индустрии характерно параллельное расщепление, направленное на получение удлиненных заготовок с одно- и двухплощадочных нуклеусов, среди которых имеются призматические образцы. Важной особенностью этого технокомплекса являются многочисленные проявления приемов микропластинчатого расщепления. В коллекции имеются нуклеусы клиновидной и конусовидной формы, скребки типа карене, оформленные микропластинчатыми снятиями, и выразительная серия микропластин. Среди орудий преобладают продольные скребла, концевые скребки и скребки высокой формы, ножи с естественным обушком и обушком-гранью, угловые резцы и проколки, шиповидные формы и выемчатые изделия, в основном с ретушированными анкошами. Из других категорий инвентаря представлены остроконечники на пластинах, угловые острия, клювовидные и зубчатые изделия, крупные ретушированные пластины и микропластины с притупленным краем. Единичны простой и атипичный остроконечники леваллуа, фрагмент овального бифаса и медиальный сегмент бифаса листовидной формы, тронкированные отщеп и пластина, фрагмент украшения из плотного серпентина с биконически просверленным отверстием.

Серия радиоуглеродных дат, полученных по древесному углю и гуминовым кислотам из кострищ в слоях 10, 9В и 5, определила возраст вмещающих отложений каргинским временем: кровля слоя 10 – $35\,200 \pm 2\,850$ л.н. (СОАН-3259); слой 9В – $33\,400 \pm 1\,285$ л.н. (СОАН-3257), $29\,860 \pm 355$ л.н. (СОАН-3358) и $29\,720 \pm 360$ л.н. (СОАН-3359); слой 5 – $27\,020 \pm 435$ л.н. (СОАН-3356) и $26\,305 \pm 280$ л.н. (СОАН-3261). Методом РТЛ-анализа по образцу из прокала очажной линзы в подошве слоя 9В получена дата 50 ± 12 тыс. л.н. (РТЛ-660). Со слоем 5 данной стоянки коррелируется слой 13 находящейся в 3 км от нее стоянки Ануй-2: $27\,125 \pm 580$ л.н. (СОАН-28681). На стоянке Ануй-2 хорошо прослеживается развитие верхнепалеолитического индустриального комплекса вплоть до 20 тыс. л.н.

Таким образом, культуросодержащие горизонты многослойных, хорошо стратифицированных стоя-

нок Усть-Какарол-1 и в Денисовой пещере позволяют проследить эволюцию среднепалеолитической индустрии в верхнепалеолитическую на базе леваллуазской фации. Процесс перехода начался 60–50 тыс. л.н. и завершился формированием верхнего палеолита 50–40 тыс. л.н., а может быть, и ранее.

Стоянка Кара-Бом расположена в 150 км от Денисовой пещеры в долине р. Урсул. На стоянке выделены два среднепалеолитических слоя и шесть верхнепалеолитических горизонтов обитания [Деревянко, Петрин, Рыбин и др., 1998; Деревянко, 2001]. В среднепалеолитических горизонтах первичная обработка представлена нуклеусами параллельного принципа скалывания и леваллуазскими для снятия острий и отщепов. Все нуклеусы относятся к разряду плоскостных. Значительная доля орудий изготавливалась из пластин. Во втором среднепалеолитическом горизонте, расположенном ниже литологического слоя, датированного ЭПР-методом 62,2 тыс. л.н., группа леваллуа-мустьерских орудий составила 32 %, верхнепалеолитических – 16, в верхнем среднепалеолитическом – по 21%. Несмотря на то, что эти горизонты хронологически, видимо, близки, в верхнем по сравнению с нижним больше верхнепалеолитических и меньше леваллуа-мустьерских орудий.

Очень важным индикаторным элементом верхнепалеолитической индустрии является сочетание признаков хорошо развитой леваллуазской техники первичного расщепления и нуклеусов торцового типа, с которых снимали узкие и длинные пластины, использовавшиеся для изготовления резцов, концевых скребков и других изделий. Возможно, применялась и отжимная техника [Деревянко, Волков, 2004].

В горизонтах обитания 5 и 6, которые относятся к ранней поре верхнего палеолита, практически все нуклеусы демонстрируют параллельный принцип скалывания; большую долю составляют торцовые ядрища, с которых скалывали узкие и длинные пластины (рис. 3). Большинство каменных орудий изготовлено из пластин. Так, в горизонте 6 на отщепах оформлено 19,5 % орудий, на пластинах – 70,6, на остроконечных

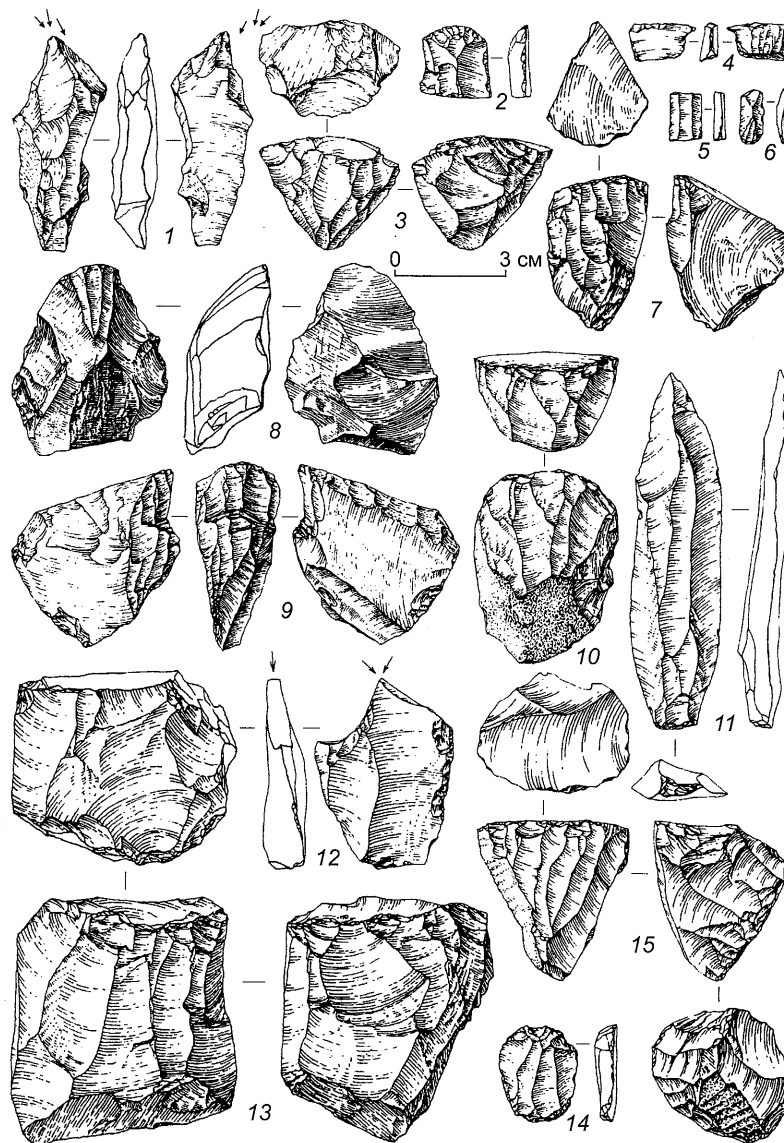

Рис. 2. Каменный и костяной инвентарь из слоев 9, 10 стоянки Усть-Каракол-1.

1, 12 – резцы; 2, 8, 14 – скребки; 3, 7, 9, 10, 13, 15 – нуклеусы; 4 – прокола; 5, 6 – микропластинки; 11 – остроконечник.

сколах – 6,9%. Пластины, использовавшиеся для изготовления каменных орудий, как правило, массивные. На пластинах выполнены концевые скребки, многофасеточные резцы, острия, пластины-клинки, заготовкой для которых служили пластины длиной до 25 см, а также комбинированные орудия. Значительный удельный вес среди орудий имеют разнообразные зубчато-выемчатые инструменты, тщательно оформленные ретушью. Основные типологические группы орудийного набора относятся к верхнему палеолиту. Сравнение выявило преемственность и сходство с ведущими типами каменных орудий из мустьерских и верхнепалеолитических горизонтов. Без сомнения, здесь верхнепалеолитическая индустрия формирова-

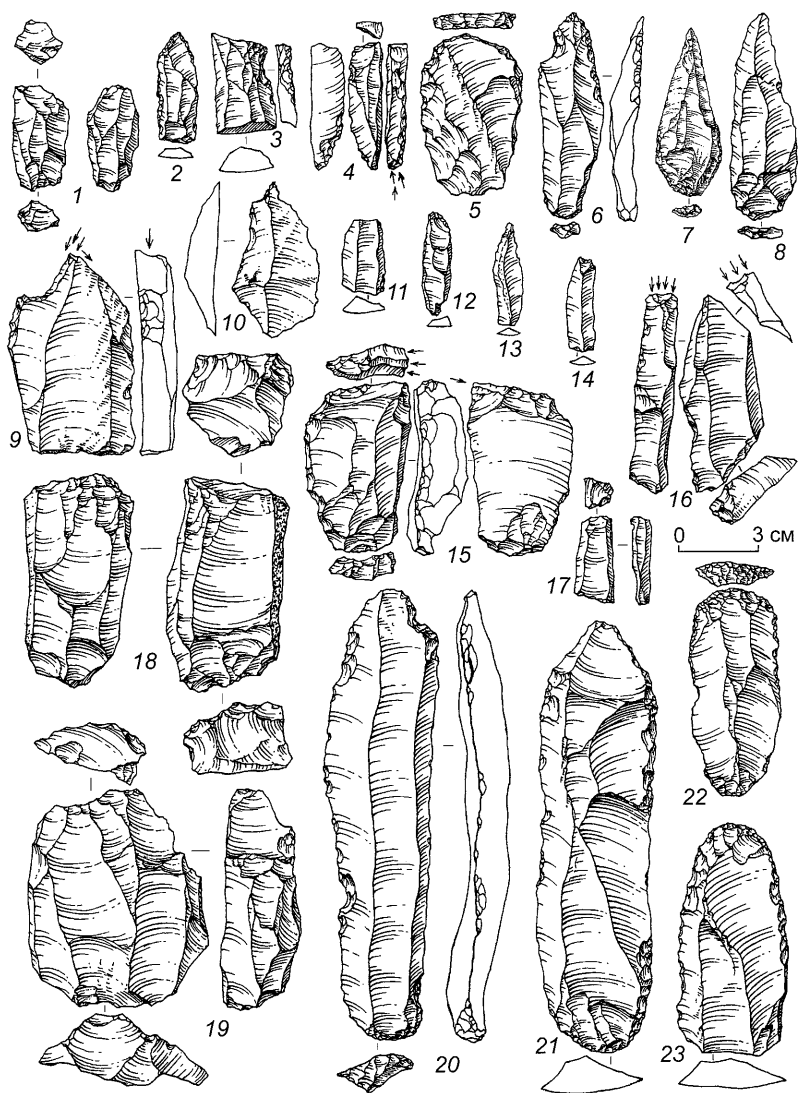

Рис. 3. Каменный инвентарь уровня обитания 6 стоянки Кара-Бом.
1, 17–19 – нуклеусы; 2, 6–8 – острия; 3 – выемчатое орудие; 4, 9, 15, 16 – резцы;
5, 22, 23 – скребки; 10 – проколка; 11–14 – пластины; 20, 21 – пластины-ножи.

лась на основе более ранней среднепалеолитической. Горизонт 6 датируется по радиоуглероду $43\,200 \pm 1\,500$ л.н. (Gx-17597), горизонт 5 – $43\,300 \pm 1\,600$ л.н. (Gx-17596). В этих горизонтах обитания на стоянке Кара-Бом фиксируется сложившаяся верхнепалеолитическая индустрия. Правомерность отнесения горизонтов 5 и 6 к верхнему палеолиту подтверждается свидетельствами символической деятельности обитателей стоянки [Деревянко, Рыбин, 2003].

По всем основным характеристикам первичной и вторичной обработки карабумовская индустрия существенно отличается от верхнепалеолитической каракольской индустрии. Уже на раннем этапе верхнего палеолита на территории Горного Алтая проявлялась хорошо выраженная вариабильность, хотя основой верхнепалеолитических индустрий была

одна более древняя ашело-леваллу-азская традиция.

Таким образом, на территории Горного Алтая каракольская и карабумовская верхнепалеолитические традиции начали формироваться 60–50 тыс. л.н., а 50–40 тыс. л.н. они полностью приобрели верхнепалеолитический облик. О формировании здесь в столь раннее время верхнепалеолитических культур свидетельствуют также изделия из кости, проявления новой стратегии поведения, символической деятельности человека.

Принципиально важным является вопрос об интерпретации палеоантропологических находок из двух пещер Горного Алтая – Денисовой и Окладникова. В горизонте 22.1 Денисовой пещеры обнаружен второй нижний левый молочный моляр m_2 ребенка 7–8 лет, а в слое 12 – первый верхний левый медиальный постоянный резец взрослого человека. Из слоев пещеры Окладникова получено пять зубов подростков 12–14 лет и детей 5–7 лет [Шпакова, 2001]. Этот материал имеет чрезвычайно важное значение для изучения вопросов, касающихся последовательности заселения территории Алтая представителями рода *Homo*. По метрическим и описательным признакам Е.Г. Шпакова установила, что, несмотря на отдельные архаические черты, одонтологический материал из алтайских пещер принадлежит, скорее всего, представителям ископаемого

человека современного физического типа – ранним *Homo sapiens sapiens* [Там же]. Хорошая сохранность эмали резца и отсутствие на ней следов гипоплазии свидетельствуют о достаточно стабильном биологическом развитии субъекта, которому принадлежал зуб. Согласно этим признакам, палеолитические обитатели Денисовой пещеры жили, вероятно, в относительно комфортных условиях окружающей среды, без сильных физиологических стрессов, которые могли быть связаны с длительным голоданием или хроническими болезнями [Шпакова, Деревянко, 2000].

Очень важные результаты были получены при изучении палеоантропологических находок из пещеры Окладникова: в слоях 7, 3 и 2 найдены зубы, в слое 3 – фрагментированные кости стопы и грудной клетки. Исследование этих материалов в Институ-

те популяционной генетики человека и животных им. М. Планка не выявило существенных различий в рационе питания древнего и современного человека. Было определено, что митохондриальная ДНК не имеет неандертальских особенностей, т.е. она соответствует человеку современного физического типа.

Пещера Окладникова остается некоторой загадкой для исследователей палеолита Горного Алтая [Деревянко, Маркин, 1992]. Это первая из полностью исследованных пещер в регионе, индустрия которой относится к разряду пластинчатых. Специфику каменного инвентаря памятника определяют большое количество орудий труда (более 30 %) и преобладание в орудийном наборе скребел различной модификации, в т.ч. скребел *dejeté*. Среди всех ансамблей каменного инвентаря Горного Алтая индустрия пещеры Окладникова выделяется хорошо выраженными мустьеровидными формами. Для пещерных отложений получены даты: слой 1 – $33\,500 \pm 700$ л.н. (RIDDL-718); слой 2 – $37\,750 \pm 750$ л.н. (RIDDL-719); слой 3 – $28\,470 \pm 1\,250$ л.н. (COAH-2459), $28\,470 \pm 1\,250$ л.н. (COAH-2459), $32\,400 \pm 500$ л.н. (RIDDL-721), $43\,700 \pm 1\,300$... $1\,100$ л.н. (RIDDL-720), $43\,300 \pm 1\,500$... $1\,300$ л.н. (RIDDL-722); слой 7 – $44,6 \pm 3,3$ тыс. л.н. (Pa-231 agl kyr), $44,8 \pm 4$ тыс. л.н. (Th-23 agl kyr). Учитывая маломощность рыхлых отложений под навесом и наличие капролитов современных животных, ряд дат, с моей точки зрения, омоложен. Археологический материал всех культуросодержащих горизонтов гомогенный; он накапливался 40–44 тыс. лет. Генетический и одонтологический анализы свидетельствуют о том, что обитатели пещеры Окладникова принадлежали виду *Homo sapiens sapiens*. На сегодняшний день это древнейшие в восточной части Евразии представители человека современного физического типа.

Планомерное и комплексное изучение палеолитических местонахождений на территории Горного Алтая позволило проследить динамику среднепалеолитической индустрии и ее эволюцию в верхнепалеолитическую. Нет никаких сомнений в том, что верхний палеолит на этой территории сформировался ранее 40 тыс. л.н. Одними из основных признаков принадлежности к раннему этапу верхнепалеолитической культуры являются проявления параллельного принципа первичного расщепления и многочисленность орудий, изготовленных на базе пластин и микропластин. Элементы пластинчатых технологий позволяют ответить на вопрос о том, где и когда в восточной части Евразии произошло становление индустрии, связанной с человеком современного физического типа.

Процесс формирования верхнепалеолитической индустрии можно проследить и на материалах из других местонахождений на Алтае – Ануй-3 [Дере-

вянко, Шуньков, 2002], Ануй-1 [Деревянко, Зенин, 1990], отложений в пещере Страшная [Деревянко, Зенин, 1997], стоянки Ушлеп-6 [Кунгуров, Маркин, Семибратов, 2003] и др.

К раннему верхнему палеолиту карабумовской традиции относится стоянка Кара-Тенеш [Деревянко, Петрин, Николаев и др., 1998]. Для третьего литологического горизонта, датированного радиоуглеродным методом от $42\,165 \pm 4\,170$ л.н. (СОАН-2485) до $26\,875 \pm 625$ л.н. (СОАН-2134), характерна индустрия с использованием в качестве основы для изготовления орудий крупных пластин. Ранний этап верхнего палеолита представляют стоянки в Усть-Канской и Малояломанской пещерах и др.

Таким образом, изучение хорошо стратифицированных пещерных и открытых стоянок на территории Алтая позволяет проследить формирование на основе среднепалеолитической индустрии двух переходов к верхнему палеолиту, а также становление пластинчатой (карабумовская) и пластинчатой и микропластинчатой (каракольская) культур верхнего палеолита.

Проблема формирования верхнепалеолитической пластинчатой индустрии на территориях Монголии, Прибайкалья и Забайкалья

На сопредельных с Горным Алтаем территориях Восточной Сибири и Монголии наблюдаются как близкие процессы эволюции финального этапа индустрий среднего в поздний палеолит, так и некоторые отличия.

На территории Монголии исследовалось небольшое количество хорошо стратифицированных местонахождений, которые отражают эволюцию индустрий раннего, среднего и переход к верхнему палеолиту. Материалы, выявленные в нижних горизонтах 13–10 пещеры Цаган-Агуй, свидетельствуют об использовании ортогонального и радиального принципов первичного расщепления [Археологические исследования..., 1998; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Петрин и др., 1998; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Кривошапкин и др., 2000]. Слой 12 датирован 520 ± 130 тыс. л.н. (РТЛ-805), слой 11 – 450 ± 117 тыс. л.н. (РТЛ-806). В слое 9 были обнаружены леваллуазские нуклеусы. Очень вероятно, что индустрия в нижних горизонтах связана с представителями первой волны глобальной миграции, а начиная со слоя 9 – второй. В культуросодержащих горизонтах 4 и 3 нашел отражение процесс формирования верхнепалеолитической индустрии. Установлены даты для горизонта 4: 66 ± 9 тыс. л.н. (RU), 57 ± 7 тыс. л.н. (LU), 49 ± 6 тыс. л.н. (EU) и для горизонта 3: $33\,840 \pm 640$ л.н. (AA-23158), $33\,777 \pm 585$ л.н.

(АА-26587), $33\,497 \pm 600$ л.н. (АА-26588), $32\,960 \pm 670$ л.н. (АА-23159), $30\,942 \pm 478$ л.н. (АА-26589). К сожалению, материалов из этих культуросодержащих горизонтов недостаточно, чтобы детально проследить динамику и специфику развития индустрии человека в этом хронологическом диапазоне. В горизонте 3 представлена уже сформировавшаяся верхнепалеолитическая культура карабумовского варианта [Деревянко, 2001].

Для решения проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту исключительно важное значение имеют раскопки на многослойных, хорошо стратифицированных стоянках Орхон-1 и 7, расположенных на р. Орхон в 3 км от Хара-Хорина (Монголия) [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992; Derevianko, Petrin, 1993]. На этих стоянках выявлено несколько культуросодержащих горизонтов, датируемых 70–38 тыс. л.н. В пойменной фации аллювия Орхона вскрыты среднепалеолитические горизонты с очагами. Здесь отмечены преобладание леваллуазских ядрищ и нуклеусов для скалывания крупных пластин и пластинчатых отщепов, а также присутствие изделий на крупных пластинах. В вышележащих горизонтах (40–38 тыс. л.н.) доминируют нуклеусы протопризматического и призматического типов, а также изделия на пластинах. На Орхоне, как и на местонахождении Кара-Бом, выявлено значительное количество зубчато-выемчатых форм. Многие технико-типологические показатели карабумовского и орхонского комплексов близки. Формирование верхнепалеолитической индустрии на территориях Горного Алтая и Монголии происходило, вероятно, в одно время и на единой основе.

С орхонской среднепалеолитической индустрией поразительное сходство имеет технокомплекс стоянок Орок-Нор I, II в Гобийском Алтае [Деревянко, Петрин, 1990]. Сходство проявляется в использовании близкого по качеству сырья, галек как исходных форм, в технико-морфологическом облике нуклеусов (особенно леваллуазских), орудийном наборе. По основным технико-типологическим характеристикам переход от средне- к позднепалеолитическим индустриям на территории Монгольского и Гобийского Алтая близок к карабумовскому варианту. На других местонахождениях раннего верхнего палеолита (поздние комплексы Кремневой Долины, Чихэн-1, Туйин-Гол и др.) также представлены нуклеусы для снятия крупных пластин и разнообразные орудия на пластинах и пластинчатых отщепах. Такое сочетание демонстрирует индустрия нижнего горизонта пещеры Чихэн. На территории Монголии микроиндустрия появилась в развитом верхнем палеолите (ранее 20 тыс. лет).

В Прибайкалье одним из интереснейших является местонахождение Макарово-4, расположенное в долине верхнего течения р. Лены. Для выявленной

здесь индустрии характерны приемы параллельного и субпараллельного расщепления. Орудийный набор весьма разнообразен; он включает скребла различных модификаций, концевые скребки, поперечные резцы, ножи, проколки. Особенно выразительна серия листовидных остроконечников на удлиненных сколах с бифасиально уплощенным основанием [Аксенов, Шуньков, 1978]. Такие же наконечники имеются и в индустрии карабумовского варианта верхнего палеолита. Для культуросодержащих отложений Макарово-4 имеются даты: более 38 тыс. л.н. (АА-8879) и более 39 тыс. л.н. (АА-8880) [Goebel, Aksekov, 1995]. Учитывая особенности осадконакопления на этой стоянке и эоловую корразию находок, некоторые авторы значительно удревают возраст макаровского пласта [Медведев, 1983; Аксенов, Бердников, Медведев и др., 1987].

На территории Забайкалья наиболее близкими в хронологическом и техническом отношении к карабумовской индустриальной традиции являются материалы стоянок Толбага (слой 4), Варварина Гора (слой 3), Каменка (комплекс А), Хотык (уровень 3) и Подзвонкая [Константинов, 1994; Лбова, 2000; Ташак, 2003]. Формирование культуросодержащих отложений этих стоянок, судя по их стратиграфической позиции в разрезах и результатам радиоуглеродного датирования, происходило в каргинское время. Самые ранние каргинские даты установлены для нижнего культурного комплекса стоянки Подзвонкая: $43\,900 \pm 960$ л.н. (СОАН-44445) [Ташак, 2002] и для комплекса А стоянки Каменка: $40\,500 \pm 3\,800$ л.н. (АА-26743) [Лбова, 2002]. Технологической основой забайкальских индустрий служили приемы параллельного скалывания с нуклеусов уплощенной и протопризматической формы, включавшие элементы торцовых снятий. Система параллельного расщепления позволяла использовать в качестве заготовок орудий различные пластины. На удлиненных крупных и средних сколах оформлена большая часть орудий, в составе которых серийно представлены остроконечники и резцы, концевые скребки и проколки, долотовидные изделия и ретушированные пластины. Характерным компонентом этих комплексов является набор т.н. предметов неутилитарного назначения: подвески, бусины и пронизки, изготовленные из трубчатых костей птиц, скорлупы яиц страуса и мягкого поделочного камня [Лбова, Волков, Базаров, 2002; Ташак, 2002], уникальное скульптурное изображение головы медведя, вырезанное из зубовидного отростка шейного позвонка шерстистого носорога [Константинов и др., 1983].

Палеолитические местонахождения на территориях Монголии, Забайкалья, Прибайкалья, датируемые 40–30 тыс. л.н., демонстрируют сходство (в каменном инвентаре, проявлениях стратегии адаптации, сим-

волической деятельности) со стоянками карабомовского варианта верхнего палеолита Горного Алтая [Деревянко, 2001; Деревянко, Шуньков, 2004]. Этому можно дать два объяснения. Первое: на обширных территориях Алтая, Монголии, Прибайкалья и Забайкалья в разные периоды стали распространяться индустрии леваллуазской направленности, связанные с мигрантами второй глобальной волны [Лбова, Намсараев, 2002; Лбова, 2002]. На финальном этапе среднего палеолита на каждой из этих территорий независимо формировались индустрии раннего верхнего палеолита. Определенное сходство в технике первичного расщепления, типах каменных орудий было обусловлено единой древней основой каменной индустрии. Второе: 60–50 тыс. л.н. на территории Монголии, Прибайкалья, Забайкалья в результате миграционных процессов проникли популяции с Горного Алтая, в дальнейшем здесь складывались культуры верхнего палеолита, близкие к карабомовскому и каракольскому вариантам.

На данном этапе исследований наиболее предпочтительным представляется второе объяснение, потому что на территориях восточнее Горного Алтая пока не выявлено хорошо стратифицированных местонахождений среднего палеолита, на базе которых формировались пластинчатые и микропластинчатые индустрии.

Истоки пластинчатой индустрии в Восточной Азии

Совершенно иначе развивались физический тип человека и его культура в китайско-малайской зоне [Деревянко, 2005б]. На территориях Восточной и Юго-Восточной Азии со времени появления здесь архантропов и до финального этапа позднего плейстоцена (W-3) эволюция индустрии происходила по своим внутренним законам без какого-либо существенного влияния извне. Вторая волна древних популяций человека с позднеашельской индустрией не распространялась восточнее территорий Монголии и Индии. Материалы среднепалеолитического времени, имеющие много общего с индустриями, представленными в Монголии, известны лишь в Синьцзяне на северо-западе Китая (в 2004 г. участникам Китайско-американско-российской экспедиции здесь удалось найти более 20 таких памятников).

На территории Китая существовали техника первичной обработки, определяемая как биполярная, прямого удара, и техника наковальни (block-on-block). Они основаны на применении жесткого отбойника. Нигде в Китае не зафиксированы проявления леваллуазской системы первичного расщепления. Всем хорошо известна гипотеза Х. Мовиуса о двух

линиях развития в раннем палеолите. Он разделил раннепалеолитическую ойкумену на территории, где были ручные рубила, и выделил Восточную и Юго-Восточную Азию с галечными орудиями типа чопперов и чоппингов. Орудия типа рубил найдены в ранне-, средне- и позднепалеолитических памятниках в Восточной и Юго-Восточной Азии. В Китае насчитывается более 30 таких местонахождений. Они различны по типологии ручных рубил. Эти стоянки отдалены друг от друга на сотни километров, а самое главное – их разделяет хронологический диапазон в сотни тысяч лет. Тун Энчжэнь [1989] утверждает, что в Тибете на высоте 12 и 14 тыс. английских футов (3 567–4 267 м) обнаружены ручные рубила, относящиеся к концу среднего – началу верхнего плейстоцена, что маловероятно, потому что Тибет был заселен человеком не ранее финала плейстоцена. У китайских археологов разные точки зрения на проблемы ручных рубил. Ряд специалистов (Хуан Вэйвэн [1987], Чжан Чжэньхун [Хуан Вэйвэн, Чжан Чжэньхун, 1991], Се Гуанмао [1991, 2002] и др.) признает их наличие и на основании этого полагает, что в Восточной и Юго-Восточной Азии, как и других регионах Евразии, распространялась ашельская индустрия. Линь Шэнлун [2002], Хэ Найхань [Линь Шэнлун, Хэ Найхань, 1995] считают двусторонне оббитые изделия нуклеусами и топорами. Ань Чжиминь [1990] относит двусторонне оббитые орудия к проторубилам.

Наиболее ранние и многочисленные бифасы обнаружены на стоянках в пров. Гуанси на плато Байсэ, расположенном неподалеку от границы с Вьетнамом [Хуан Вэйвэн, Си Найхан, Сагава Масагоси, 2001; Се Гуанмао, Ли Цзянь, Хуан Цишань, 2003; Hou et al., 2000]. В 2005 г. мне удалось посетить эти местонахождения. Рубила зафиксированы здесь *in situ* в литологическом горизонте, датированном по тектитам ок. 800 тыс. л.н. [Hou et al., 2000]. В нем найдены орудия с двусторонне обработанным лезвием, среди которых выделяются чоппинги с меньшей площадью обработанной поверхности и с большей – т.н. рубила. По моему мнению, появление в Китае двусторонне обработанных орудий, типологически близких к ашельским, – результат конвергенции. Следует еще раз подчеркнуть, что они только типологически напоминают ашельские; сопровождающий их инвентарь ничего общего не имеет с ашельской культурой. На сопредельных с Китаем территориях не найдены рубила столь древнего возраста. Рубила, выявленные в Байсэ, – прекрасный пример конвергенции в раннем палеолите. Это китайские двусторонне обработанные изделия – бифасы. На территориях различных районов Китая в разные хронологические эпохи, вплоть до неолита, то появлялись, то исчезали двусторонне обработанные орудия, но они ни типологически, ни хронологически не связаны с бифасами Байсэ. Появ-

ление двусторонне обработанных орудий на более поздних хронологических этапах также было результатом конвергенции и, вероятно, изменений в адаптационных стратегиях. Двусторонне обработанные орудия в Диньцуне “моложе” рубил с плато Байсэ на 600 тыс. лет. Кроме того, они совершенно иные с точки зрения типологии и техники изготовления. Проявления подобных процессов в Юго-Восточной Азии можно наблюдать на территориях Вьетнама, Бирмы, Таиланда [Деревянко, 1975]. Некоторые исследователи среди орудийного набора из палеолитических местонахождений выделяют кливеры, но эти изделия, как и рубила, только функционально близки к ашельским кливерам. В Китае “кливеры” выявлены в палеолитических местонахождениях разных возрастов, в т.ч. относящихся к середине верхнего плейстоцена.

На территории Восточной и Юго-Восточной Азии в памятниках среднего палеолита не зафиксированы проявления леваллуазского принципа расщепления. Поскольку древние мигранты второй волны не проникли восточнее Монголии и Индии, в китайско-малайской зоне Евразии не отмечены черты среднего палеолита, характерные для регионов Африки и Евразии. В среднем плейстоцене и большей части позднего плейстоцена здесь получили продолжение традиции индустрий нижнего плейстоцена. Многие исследователи, в т.ч. и я, считают, что на территории Китая уже в раннем палеолите индустрия с большой долей артефактов малых размеров стала преобладающей к северу от хребта Цзиньлин, а со значительным удельным весом артефактов крупных размеров (макроорудия) – к югу. В эпоху палеолита на территории Китая орудия изготавливались, как правило, на отщепках.

Верхний палеолит на территории Китая начинает формироваться с середины позднего плейстоцена на базе местных технокомплексов и привнесенной с востока (Монголия) и северо-запада (Алтай и Южная Сибирь) индустрии, основанной на пластинчатом расщеплении и орудиях на удлиненных заготовках. Остановимся на двух наиболее ранних верхнепалеолитических местонахождениях на территории Китая – Чжиюй и Шуйдунгоу.

Стоянка Чжиюй расположена на останце 25–30-метровой террасы р. Чжиюхэ в уезде Шосянь пров. Шаньси, в окрестностях д. Чжиюй у восточного склона Хэтомань [Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ю Юйчжу, 1972; Ларичев, 1984]. Терраса сформирована аллювиальными отложениями тонкозернистого серовато-желтого песка мощностью до 18 м. Пески переслаиваются прослойками более рыхлого и крупнозернистого песка с примесью галечек. Ниже залегают слои серовато-черной и коричневой глины, в которую включены золистые прослойки культурного горизонта с каменными орудиями и костями животных. Первичное расщепление на

стоянке Чжиюй представлено не только ядрищами для снятия отщепов, но и небольшим количеством нуклеусов для снятия пластин и микропластин. Пластины скалывались с конических и подпризматических нуклеусов. На стоянке выявлены пластины удлиненные с двумя параллельными гранями и трапециевидные в сечении [Цзя Ланьпо, 1984]. У пластин ударная площадка маленькая, ударный бугорок круглый и выпуклый. По мнению Цзя Ланьпо, пластины могли быть сколоты при помощи посредника, хотя в отчете о раскопках стоянки отмечено, что пластины отделялись при помощи ударника. На стоянке найдены миниатюрный нуклеус торцового типа (т.н. веерообразный), небольших размеров концевые скребки, остроконечники, которые китайские археологи разделили на пять групп. Каменную индустрию стоянки Чжиюй Цзя Ланьпо считает базовой для дальнейшего развития микролитической техники на территории Китая. Для стоянки получена дата: $28\,135 \pm 1\,330$ л.н.

Массу разнообразных вопросов вызывает стоянка начала верхнего палеолита Шуйдунгоу, которая была открыта в 1923 г. Е. Лисаном и П. Тейяр де Шарденом. Стоянка исследовалась несколькими экспедициями и специалистами, которые по-разному определяли место этого индустриального комплекса в палеолите Китая.

В процессе первых стационарных исследований на стоянке Шуйдунгоу было выделено пять пунктов (F1–F5); в ходе последующих работ в 1957, 1960, 1963, 1978 гг. была уточнена стратиграфия стоянок и получен новый значимый материал. По мнению большинства исследователей, к палеолиту относятся стратифицированные пункты Шуйдунгоу I и II, к более позднему времени (мезолит и неолит) – три других пункта.

Местонахождение Шуйдунгоу расположено на краю пустыни Ордос и на западной окраине лессового плато у Великой Китайской стены на р. Шуйдунгоу, впадающей в р. Хуанхэ. Хотя на памятнике неоднократно проводились полевые работы, у исследователей остаются вопросы, касающиеся стратиграфии и геохронологии культуросодержащих горизонтов [Sun et al., 1991; Zhou, Hu, 1988; Ван Юйпин, 1962].

Каменную коллекцию, собранную во время раскопок в 1923 г., изучал А. Брейль. Он выделил три основные категории: нуклеусы, орудия (на нуклеусах, отщепках и пластинах), резцы и микролиты (рис. 4). А. Брейль выделил дисковидные мустьероподобные нуклеусы, с которых скалывали отщепы и нуклеусы для снятия пластин. Орудийный набор включал скребки, шательперронские остроконечники, проколки, анкоши, резцы, микролиты, скребла. Оценивая индустрию Шуйдунгоу, А. Брейль отмечал, что западному типологу эта индустрия “представляется как нечто, находящееся на полпути между разви-

тым мустье и зарождающимся ориньяком, или как комбинация этих двух элементов” [Boule et al., 1928, p. 121].

Ф. Борд на основании изучения коллекции, полученной в ходе раскопок Шуйдунгоу в 1923 г., определил пластинчатый показатель индустрии (31 %), выделил скребла (27 %), зубчатые орудия (16,6 %), бифасы (1 %), чопперы (ок. 2 %), верхнепалеолитические типы (скребки, резцы, проколки, ножи со спинкой, тронкированные пластины, микролиты и т.д. – 28 %) [Bordes, 1968]. В целом он оценил эту индустрию как близкую мустье леваллуазской фации. По мнению Ф. Борда, индустрия Шуйдунгоу – мустьерская, и она не походит на индустрию верхнего палеолита Западной Европы.

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь, исследовав материалы раскопок в 1923 г. и Китайско-советской экспедиции в 1960 г., обратили внимание на большое разнообразие остроконечников, скребел, скребков, ножевидных пластин и микропластин и пришли к выводу, что индустрию Шуйдунгоу, несмотря на сочетание типологических признаков среднего и верхнего палеолита, следует отнести к верхнему палеолиту [1964].

П.Д. Брантингхэм и другие специалисты, достаточно детально исследовавшие индустрию Шуйдунгоу, отмечают признаки многих среднепалеолитических традиций в первичном расщеплении, вторичной обработке, типах каменных орудий, но с учетом облика индустрии в целом, которая характеризуется в основном верхнепалеолитическими элементами, а также геохронологии местонахождения приходят к выводу о необходимости отнесения Шуйдунгоу к начальному этапу верхнего палеолита [Brantingham et al., 2004].

Мне уже приходилось писать о культурно-историческом значении местонахождения Шуйдунгоу, потому что оно, как и стоянка Чжунюй, является ключевым для решения проблемы становления верхнего палеолита в Китае. Дискуссионность проблемы культурно-исторической принадлежности Шуйдунгоу объясняется тем, что исследователи по-разному подходили к рассмотрению индустрии памятника: одни обращали внимание на некоторую архаичность черт первичной и вторичной обработки и типов орудий труда, другие – на элементы, характерные для развитого верхнего палеолита [Kozłowski, 1971]. Китайские и западные палеолитоведы придерживаются разных подходов к оценке типологии каменных орудий и технологии их изготовления. Неко-

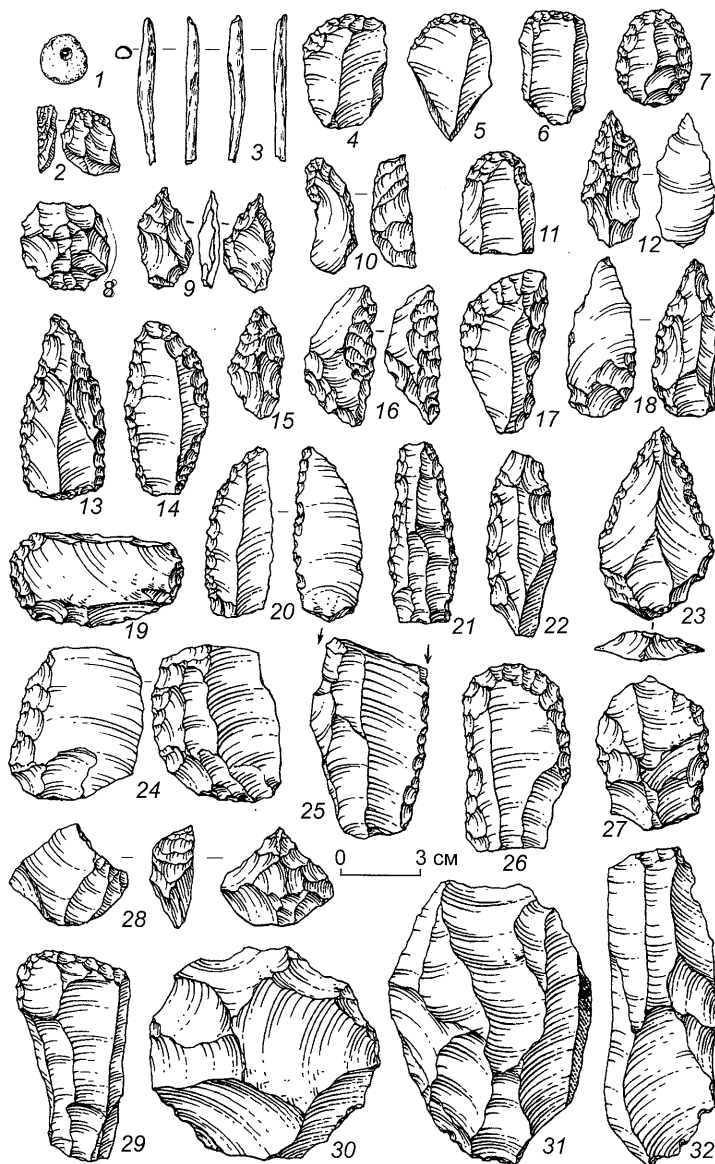

Рис. 4. Костяной и каменный инвентарь стоянок Шуйдунгоу.

торые исследователи отмечают несколько больший “архаизм” стоянки Шуйдунгоу II, чем Шуйдунгоу I, что можно объяснить более ранним возрастом Шуйдунгоу II и главное – разным количеством находок на этих стоянках.

Индустрию Шуйдунгоу, с моей точки зрения, в целом необходимо считать верхнепалеолитической. Первичное расщепление в Шуйдунгоу связано с дисковидными, параллельными, двуплощадочными монофронтальными, торцовыми нуклеусами и микронуклеусами. Нуклеусы для снятия отщепов, напоминающие дисковидные ядрища, встречаются не только в верхнепалеолитических, но и в неолитических отложениях. Двуплощадочные монофронтальные нуклеусы неко-

торые исследователи относят к леваллуазским. Но это чисто субъективная оценка, обусловленная очень расширенным пониманием леваллуа. Необходимо иметь в виду, что в Шуйдунгоу такие нуклеусы сильно сработанные, т.е. с них многократно снимались пластины, что сопровождалось подправкой ударной площадки, способной создать иллюзию фасетирования ударной площадки. Торцовые нуклеусы и микронуклеусы достаточно типичны для развитого и позднего палеолита. На стоянке не найдено ни одного классического леваллуазского нуклеуса.

Орудийный набор в Шуйдунгоу разнообразен. Типичными для стоянок являются острия. В 1960 г. был обнаружен остроконечник из фиолетового кварцита, изготовленный на удлинённой пластине с подправленной ударной площадкой. Оба его края несут признаки ретуширования, ближе к острому концу – многорядного. Данное изделие имеет “удивительное типологическое сходство с классическими мустьерскими остроконечниками” [Цзя Ланьпо и др., 1964, с. 82]. В связи с этим необходимо отметить, что в Шуйдунгоу не найдено ни одного нуклеуса, с которого можно было бы получить такое леваллуазское снятие. Все другие остроконечники достаточно типичны для переходного этапа от среднего к верхнему палеолиту и для верхнего палеолита. Края остроконечников обрабатывались со спинки однорядной и реже двурядной ретушью.

Большой удельный вес в коллекции имеют концевые скребки с прямым и скошенным рабочим лезвием. Ретушировались не только рабочее лезвие на конце пластины, но и один-два края. Среди инвентаря имеются скребки высокой формы, напоминающие карене. На пластинах и пластинчатых сколах оформлялись скребла, ножи, зубчатые и выемчатые изделия. В небольшом количестве на стоянке представлены резцы, проколки.

При раскопках на стоянке в 1963 г. были обнаружены костяное изделие длиной 58,8 мм, определяемое как пробойник или лоцило, и округлое украшение из скорлупы страусиного яйца с просверленным в центре отверстием. В районе украшения был отмечен красный пигмент. Обуглившееся орудие с серповидным краем, изготовленное из расщепленной кости, было обнаружено в очаге ($26\,650 \pm 170$ л.н.). Один его конец был расщеплен. На внутренней и внешней поверхностях имеются следы полировки и стертости, появившиеся, видимо, в результате эксплуатации.

Геохронология стоянок Шуйдунгоу достаточно сложная. Радиоуглеродные даты для нижних горизонтов Шуйдунгоу II из семи очагов – от 29 500 до 23 800 л.н., но в основном они укладываются в диапазон 27–25 тыс. л.н. [Brantingham et al., 2004].

Хронологически стоянки Северного Китая ($28\,945 \pm 1\,370$ и $32\,220 \pm 625$ л.н.) Чжиюй и Шуй-

дунгоу относятся уже к середине верхнего палеолита. Черты переходного этапа к верхнему палеолиту и раннего этапа верхнего палеолита в Китае пока еще не зафиксированы на палеолитических местонахождениях. На стоянках Шуйдунгоу и Чжиюй в первичном расщеплении, оформлении орудий и их типологии прослеживаются определенные связи со стоянками типа Динцунь, Салавасу и Дали. Модель перехода к верхнему палеолиту в Китае, с моей точки зрения, можно представить следующим образом: в начале – середине позднего плейстоцена на территории Китая происходило дальнейшее прогрессивное развитие более древних индустрий, формировалась та основа, на которой с приходом 35–30 тыс. л.н. популяций с территорий Монголии и Южной Сибири с пластинчатой техникой и складывались индустрии типа Шуйдунгоу и Чжиюй. Наиболее ранние памятники с пластинчатой индустрией древностью 35–40 тыс. л.н. могут быть обнаружены в Синьцзяне и на северо-востоке Китая, т.е. в приграничных с Алтаем и Забайкальем районах.

На Корейском полуострове пластинчатая культура формировалась также под влиянием пластинчатых индустрий, развивавшихся на юге российского Дальнего Востока или Северо-Восточного Китая. Наиболее ранними палеолитическими местонахождениями на Корейском полуострове являются Чжонгкри-1 (Чонгкни), Гаволри, Джухволри, Янмунри, пещера Ёнжок. Наиболее хорошо изученной и вместе с тем вызывающей противоречивые толкования является стоянка Чжонгкри-1 (Чонгкни). Она расположена на небольшом холме у р. Хонтханган в 2 км от д. Чжонгкри уезда Енчхон пров. Кенгу. Для этой стоянки характерны грубые рубящие орудия, бифасы, пики, изделия, напоминающие кливеры, отщепы, пластинчатые сколы и др. Как мне представлялось ранее, данное местонахождение – одно из древнейших на полуострове и найденные здесь крупные каменные изделия аналогичны позднеашельским [Деревянко, 1983]. В настоящее время я считаю эту точку зрения неверной; по происхождению подобная индустрия связана с территорией Китая, а каменные орудия Джонгкри-1 имеют много общего со стоянками, исследованными в Северном Китае в районе Динцуня.

У корейских археологов нет единой точки зрения на геохронологию стоянки. Имеется дата, определенная термолюминисцентным методом: 190–70 тыс. л.н. [Ли Хонджон, 2002]. Один из исследователей Джонгкри-1 Бэ Ги Донг [1989] определяет возраст культуросодержащего слоя стоянки 180–200 тыс. лет. Ли Сон Бок ранее [1989] считал, что возраст стоянки 40–50 тыс. лет; в настоящее время возраст нижнего культуросодержащего слоя он определяет 75–130 тыс. лет [Yi Seonbok, 1999]. С моей точки зрения, стоянка Джонгкри-1 относится к 70–160 тыс. л.н. Для всех палеолитических

местонахождений Корейского полуострова финала среднего – начала верхнего плейстоцена характерны галечная техника, наличие бифасов, пик, чопперов, чоппингов, скребел, орудий на отщепках.

Первичное расщепление на стоянке представлено дисковидными, галечными и аморфными нуклеусами. Леваллуазская техника первичного расщепления на полуострове, как и на территориях Китая и Японии, не прослеживается. На Корейском полуострове, а также в других регионах китайско-малайской зоны со времени первоначального заселения этих территорий человеком до появления пластинчатой индустрии происходило медленное эволюционное развитие индустрии, основанной на мелких и крупных отщепках. При детальном изучении палеолитических местонахождений безусловно выделяются локальные варианты культуры со спецификой первичной и вторичной обработки каменных орудий. Однако еще раз подчеркну, что средний палеолит, характерный для афро-евразийской зоны, на этих территориях не прослеживается. В индустриальных комплексах на Корейском полуострове не выявлены диагностические элементы, на основе которых можно было бы обосновать более дробное деление палеолитической эпохи, т.е. выделение среднепалеолитической эпохи.

Корейским археологом Ли Хонджоном [2003] сделана, по-моему, удачная попытка обосновать переход от среднего к позднему палеолиту на полуострове*. Здесь на местонахождениях, относящихся к середине позднего плейстоцена, наряду с проявлением галечной и дисковидной техник, наличием макроорудий (чопперы, чоппики, бифасы, скребла) выявлены многочисленные орудия труда на отщепках; происходил процесс микролитизации индустрий, и в качестве сырья использовался уже не кварцит, а в основном кремнь.

Пластинчатая индустрия проникла на Корейский полуостров, видимо, с юга российского Дальнего Востока и с Северо-Восточного Китая не ранее 30–25 тыс. л.н., и в результате смешения более древней, местной отщеповой и привнесенной пластинчатой индустрий здесь сформировалась верхнепалеолитическая культура.

Антропологический аспект

При решении проблемы формирования верхнего палеолита и появления пластинчатой индустрии в китайско-малайской зоне невозможно обойти проблему становления здесь *Homo sapiens sapiens*. Согласно гипотезе “Ноева Ковчега”, или “Африканской Евы”,

*Ли Хонджон к среднему палеолиту относит палеолитические местонахождения финала среднего – первой половины позднего плейстоцена.

человек современного физического типа сформировался в Африке не позднее 150–100 тыс. л.н. и в дальнейшем начал продвигаться в Евразию. Заселяя новые территории, он замещал более древнее население. Сторонники гипотезы мультирегиональной эволюции считают, что человек современного физического типа мог формироваться повсеместно – в Африке, Европе, Азии – при постоянном обмене генетическим материалом между популяциями в этих регионах, а с приходом *Homo sapiens sapiens* здесь происходила метисация населения.

В китайско-малайской зоне в течение прошлого столетия был собран большой по объему палеоантропологический материал, который позволил достаточно убедительно обосновать возможность эволюции восточно-азиатских *Homo erectus* в *Homo sapiens*. Одним из авторов этой гипотезы был крупнейший антрополог прошлого века Ф. Вайденрайх.

Впервые останки древних архантропов, о возможности существования которых Э. Геккель говорил еще в 1866 г., были открыты в 1891 г. Э. Дюбуа при раскопках в Кедунг Брубус на о-ве Ява. В ходе раскопок на острове был получен большой объем костных остатков, относящихся к разным отделам мужских, женских и детских скелетов *Homo erectus*. Древность азиатских *Homo erectus* определяется в пределах 1–1,7 млн л.н. Один из дискуссионных вопросов – степень родства африканских и азиатских *Homo erectus*. Сравнение наиболее полного черепа с лицевым отделом Сангиран-17 с черепом (KNM-ER3733) *Homo ergaster* из Африки показало, что по измерительным и описательным признакам они относятся к таксону *Homo erectus*, однако представляют различные формы [Васильев, 1999].

Древнейшие останки (фрагмент нижней челюсти, зубы) раннего *Homo erectus* были обнаружены в Китае в пещере Лунгупо (пров. Сычуань). Установить видовую и подвидовую принадлежность этих образцов ввиду их фрагментарности трудно. Б. Вуд и А. Тернер [Wood, Turner, 1995] не исключают, что первыми мигрантами из Африки в Азию могли быть древнейшие представители рода *Homo*, от которых уже в Азию произошли *Homo erectus*. Это очень спорная точка зрения, потому что древность стоянки Лунгупо (ок. 2 млн лет) [Anton, Aziz, Ziam, 2000] вызывает дискуссию [Ранов, 1999], а самые древние яванские *Homo erectus* относятся к периоду ок. 1,7 млн л.н.

Ранним плейстоценом (по китайской стратиграфической шкале) датируются палеоантропологические материалы, выявленные в 1963 и 1964 гг. в Китае. В 16 км южнее г. Ланьтянь (пров. Шэньси) на стоянке Гунванлин найдена черепная крышка ископаемого человека, а в 11 км северо-западнее г. Ланьтянь на стоянке Чэньцзяво найдена нижняя челюсть. Различными методами датирования было определено, что

палеоантропологические материалы из Гунванлина древнее, чем из Чэньцзяо. Как показал анализ изотопов кислорода, местонахождение Гунванлин древнее эпизода Харамильо (970 тыс. лет) в пределах эпохи Матуяма; его возраст составляет приблизительно 1 150 тыс. лет, а возраст Чэньцзяо – 500–590 или 650 тыс. лет [Pore, 1988; Keates, 2001].

Важное значение для установления дальнейших путей эволюции *Homo erectus* имеют находки из пещеры Чжоукоудянь – черепа, зубы, части скелетов 44 индивидуумов. Физический тип синантропа удалось восстановить достаточно детально. Этот тип гомиинид, представители которого сходны с яванскими питекантропами, был включен в вид *Homo erectus* как подвид *Homo erectus pekinensis* [Зубов, 2004]. Древность слоев 1–10 Чжоукоудяня различными методами была определена в пределах 460–230 тыс. лет, слоев 10, 11 – приблизительно 500 тыс. лет, слоя 13 (по результатам датирования палеомагнитным методом) – 690 тыс. лет [Pore, 1988; Bada, 1987; Keates, 2001].

С более поздним временем – концом среднего – верхним плейстоценом – связаны палеоантропологические находки из Хэсян (пров. Аньхой), Чаньян и Юньсян (пров. Хубэй), Моба (пров. Гуаньдун), Динцунь и Дали (пров. Шаньси), Салавасу, Люцзян и Лайбинь (пров. Ганьсу), Цзяян (пров. Сычуань), Верхнего грота Чжоукоудянь (пров. Хэбэй) и др.

Ф. Вайденайх – крупнейший знаток палеоантропологических материалов Китая одним из первых обосновал гипотезу, согласно которой расселившиеся в Евразии африканские *Homo erectus* в течение длительного времени эволюционировали в *Homo sapiens*. Африканские и азиатские *Homo erectus* различались по анатомическим особенностям, но сохраняли сходство в главных диагностирующих признаках. В результате эволюционного развития и естественного отбора человек современного физического типа мог сформироваться независимо в различных районах земного шара [Weidenreich 1939, 1943, 1945, 1946, 1947].

Идеи, высказанные Ф. Вайденайхом более 50 лет назад, нашли поддержку у сторонников мультирегиональной эволюции. М. Уолпофф, А. Торн, Ф. Смит, Д. Фрайер, Д. Поуп [Wolpoff et al., 1994] также считают, что ископаемые антропологические остатки более ранних и более поздних форм свидетельствуют о непрерывности их эволюционного ряда. Позднеплейстоценовые палеоантропологические материалы “иллюстрируют продолжающуюся модернизацию китайского черепа и представляют убедительное свидетельство уникального регионального черепно-лицевого комплекса, который связывает древнейшие китайские останки с современными китайскими популяциями” [Ibid, p. 187].

В последние 50 лет в Китае выявлены многочисленные палеоантропологические материалы, которые

позволяют проследить преемственность не только между древним антропологическим типом и современными китайскими популяциями, но и между плейстоценовыми представителями от *Homo erectus* до *Homo sapiens sapiens*. У. Синьжи [Wu Xinzhi; 2004] отмечает, что у всех древних палеоантропологических находок есть общие показатели. Все верхние резцы лопатообразные. Швы, соединяющие лобную кость с носовыми (*sutura frontonasalis*) и верхнечелюстными (*sutura frontomaxillaris*), расположены более или менее горизонтально, без выступов *s. frontonasalis*. Верхняя часть лица всех черепов низкая и плоская, зигомаксиллярный угол большой. Переносье плоское. Часть орбиты, формируемая скуловой костью (*margo superiolateralis*), имеет округлую, а не заостренную форму. Переднелатеральная поверхность лобно-сфеноидного отростка скуловой кости (*processus frontosphenoidalis ossis zygomatici*) не прямая, а изогнутая. Соединение между скуловой и верхнечелюстной костью (*sutura zygomaticomaxillaris*) расположено близко к альвеолярному краю. Максимальная ширина черепного свода составляет в среднем треть его длины; более ранние черепа имеют мидсагиттальный гребень. Особо следует заметить, что в других регионах на палеоантропологических находках могут быть представлены отдельные из перечисленных признаков, но не весь морфологический комплекс, выявленный в Китае. В добавление к общим морфологическим признакам, подтверждающим преемственность в данных останках черепов в Китае, наблюдается морфологическая мозаичность между *Homo sapiens erectus* и *Homo sapiens sapiens*. Эта мозаичность указывает на постепенность перехода от одного подвида к другому [Ibid, p. 131, 133] и свидетельствует о том, что *Homo sapiens sapiens* следует рассматривать как хронологический подвид *Homo sapiens erectus* [Wolpoff et al., 1994]. Эволюцию человека в Китае характеризуют и преемственность, и гибридизация. Гибридизация, или межвидовое скрещивание, сократила степень изолированности различных популяций и сохранила единство человечества без видообразования [Wu Xinzhi, 2004].

В пользу гипотезы мультирегиональной эволюции свидетельствуют данные о том, что заселение Австралии более 60 тыс. л.н. древними популяциями происходило с материка по шельфу и мелководью проливов. По анатомии и поведению это были представители современного вида *Homo sapiens* [Wolpoff et al., 1994; Bartstra, Soegondho, Wijk, 1988]. Палеоантропологические находки из Индонезии, Новой Гвинеи, Австралии, относящиеся к плейстоцену, также демонстрируют анатомическую последовательность, которая никогда не прерывалась более поздними миграциями [Wolpoff et al., 1994].

Между яванскими и китайскими *Homo erectus* существовали некоторые различия, которые в результа-

те эволюции и естественного отбора в течение почти миллиона лет привели к формированию на основе китайских *Homo erectus* монголоидной расы, а на основе яванских *Homo erectus* — австралоидной расы. Но, тем не менее, сторонники гипотезы “Ноева Ковчега”, основываясь на тех же палеоантропологических материалах, делают противоположные выводы [Howell, 1994].

Обширный археологический материал из сотен изученных палеолитических стоянок в Восточной и Юго-Восточной Азии свидетельствует о непрерывности развития индустрии на этой территории на протяжении последнего миллиона лет. Возможно, что в результате палеоэкологических катастроф (похолодания и т.д.) ареал древних популяций человека в китайско-малайской зоне сужался, но древние архантропы никогда не покидали эту территорию. Здесь эволюционно развивались и сам человек, и его индустрии без каких-либо существенных влияний извне. Дополнительным аргументом в поддержку этого вывода является тот факт, что на территориях Китая и всей китайско-малайской зоны эпоха среднего палеолита представлена не так, как на другой части Евразии и в Африке. Переход к верхнему палеолиту в этой зоне, видимо, начался 50–30 тыс. л.н., а завершился с появлением пластинчатой технологии. Распространение здесь пластинчатой технологии было связано с проникновением других популяций, при этом происходили не замещение автохтонного населения, а аккультурация и метисация. Этот процесс демонстрируют палеолитические местонахождения древностью 20–30 тыс. лет на территориях Китая и Корейском полуострове: они представляют наряду со старыми традициями в первичной и вторичной обработке камня новые технологии, связанные с пластинчатой индустрией.

Проблема пластинчатой микроиндустрии в Северной Азии

Пластинчатая микроиндустрия в некоторых районах Северной, Центральной и Восточной Азии стала оформляться ок. 25 тыс. л.н. и получила широкое распространение после 20 тыс. л.н. С моей точки зрения, пластинчатая индустрия, появление которой было четко детерминировано, хронологически соответствовала переходу от среднего к позднему палеолиту, но формирование пластинчатых микроиндустрий могло происходить конвергентно и на разных хронологических этапах. Рассмотрим эту проблему на примере каракольской культуры Юго-Западной Сибири и селемджинской культуры юга Дальнего Востока.

В культуросодержащем горизонте 11 Денисовой пещеры наряду с пластинами средних и крупных

размеров довольно широко представлены микронуклеусы и микропластины. У микронуклеусов торцового типа ударная площадка составляет с фронтом скалывания острый угол — 45–60°. Микропластинки имеют следы нанесения со спинки крутой ретуши; это т.н. микропластины с притупленной ретушью. На стоянке Усть-Каракол-1 к каракольской культуре относятся слои 11–8. В слое 11 выявлены нуклеусы небольших размеров и микропластины, а также скребки высокой формы типа карене с рабочим лезвием, оформленным ламинарной ретушью.

Динамику индустрии пластин и микропластин отражает инвентарь со стоянки Ануй-2 и из слоя 9 Денисовой пещеры, относящийся к развитому этапу верхнего палеолита. На стоянке Ануй-2 в толще финального этапа позднеплейстоценовых отложений (слои 14–8) зафиксировано 12 горизонтов обитания палеолитического человека. Все горизонты палеолитических находок отделены друг от друга стерильными прослойками мощностью до 10 см. Горизонты обитания залегают *in situ*, о чем свидетельствуют остатки кострищ различной формы [Природная среда..., 2003]. Для литологических слоев 10–13, вмещающих культуросодержащие горизонты 3–13, получены девять дат в хронологическом диапазоне от $21\,280 \pm 440$ до $27\,930 \pm 1\,594$ л.н.

Во всех культуросодержащих горизонтах имеются разной степени сработанности одно- и многофронтальные нуклеусы для снятия ножевидных пластин, орудия, выполненные на пластине, а также нуклеусы для снятия микропластин (рис. 5). Среди микронуклеусов можно выделить торцовые, клиновидные и подпризматические. На микропластинах были оформлены проколки, скребки, острия, вкладышевые лезвия (пластинки с притупленным рабочим краем).

Близкую динамику демонстрируют материалы из пещеры Страшная: ранний этап верхнего палеолита представлен артефактами из слоя 4 и двух культуросодержащих горизонтов слоя 3 с открытой датой: более $27\,360 \pm 430$ л.н. В составе инвентаря из этих горизонтов по сравнению с нижележащими среднепалеолитическими увеличилась доля пластин и микропластин, имеются образцы обработанной кости, например игла с ушком, подвеска из клыков марала и фрагменты костей крупных млекопитающих с биоконически просверленным отверстием [Деревянко, Зенин, 1995].

Индустрию каракольской культуры на этапе развитого верхнего палеолита (30–20 тыс. л.н.) характеризует сосуществование пластинчатой и микропластинчатой техник. Микропластинчатая техника в Горном Алтае и в целом в Южной Сибири становится доминирующей на отдельных территориях после 20 тыс. л.н. С моей точки зрения, увеличение количества микронуклеусов и микропластин можно

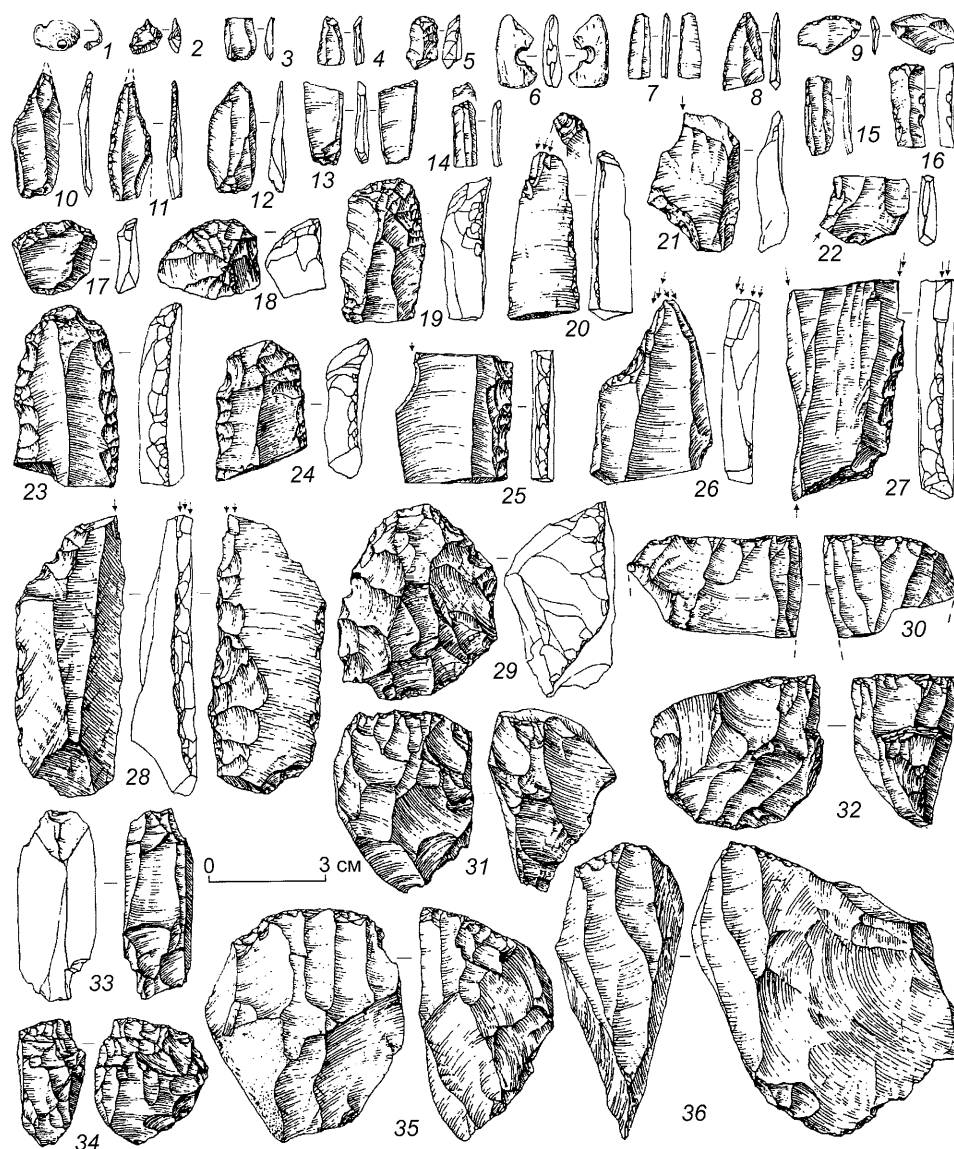

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Ануй-2.

1 – раковина с искусственно сделанным отверстием; 2 – проколка; 3, 4, 5, 7, 9, 15, 16 – микропластинки с притупленным краем; 6 – изделие из серпентина с искусственно сделанным отверстием; 8, 10, 11, 12 – микроострия; 13, 14 – микропластины усеченные, ретушированные; 17, 18, 19, 23, 24 – скребки; 20–22, 25–27, 28 – резцы; 29–36 – нуклеусы.

объяснить изменением адаптационных стратегий на финальном этапе позднего плейстоцена.

На юге российского Дальнего Востока индустрия с признаками микрорасщепления появляется 25 тыс. л.н. и прослеживается вплоть до развитого неолита. Наиболее полно эту линию развития отражают материалы местонахождения Усть-Ульма селемджинской культуры (рис. 6–8) [Там же], расположенного при впадении р. Усть-Ульма в Селемджу. На стоянке выделены четыре культуросодержащих горизонта, которые позволяют проследить динамику индустрии в диапазоне 25–10 тыс. л.н. Нижний культуросодержа-

щий горизонт (25–22 тыс. л.н.) залегал на цокольном основании. Этот литологический горизонт свидетельствует о начале осадконакопления в бассейне Селемджи. Все террасы в этом районе цокольные, и независимо от их уровня (II–V) на коренных породах залегает бурый суглинок. В нижней части он особенно темный. Очень вероятно, что процесс осадконакопления совпал с финалом каргинского потепления и нижняя часть литологического слоя формировалась как маломощный почвенный горизонт. Возможно, нижний культурный горизонт с находками древнее 25 тыс. л.н. и начало осадконакопления относится к 27–26 тыс. л.н.

Среди продуктов первичного расщепления из нижнего культурного горизонта преобладают узкие клиновидные нуклеусы. По технике изготовления выделяются: ядрища, изготовленные на бифасах, и нуклеусы, у которых на одном конце подготавливалось сколами узкое лезвие, боковые латерали обрабатывались также сколами, а на противоположном конце одним или несколькими сколами образовывалась ударная площадка. Микропластины снимались с торца. Противолежащий фронту скалывания торец оформлялся в виде кия. Среди микронуклеусов имеются ядрища, с которых микропластины могли скалывать с двух противоположных торцов. Нуклеусы для снятия крупных пластин представлены однофронтальными ядрищами с одной ударной площадкой. В орудийном наборе имеются листовидные асимметричные плоские бифасы, тесловидно-скребловидные орудия, различного типа скребки и резцы. В верхней части культурного слоя обнаружены нуклеусы: двуплощадочные с широким фронтом снятия пластин, дисковидные одноплощадочные монофронтальные и торцовые, многоплощадочные и призматические. Выявлены также пластинки со следами ретуши, в т.ч. с противолежащей и двусторонней, скребки на первичных сколах, скребла из нуклеусов, выемчатые, двусторонне ретушированные орудия на отщепах, бифасы нуклевидные, с обушком и листовидные, симметричные плоские. Очень широко представлены галечные орудия типа чопперов и связанные с ними специфические сколы с обушком.

На втором этапе селемджинской культуры (21–19 тыс. л.н.) продолжается использование одноплощадочных монофронтальных, дисковидных, торцовых и призматических нуклеусов, узкие клиновидные ядрища замещаются нуклеусами с широким фронтом скалывания микропластинок. Одновременно появляются одноплощадочные двусторонние ядрища, двуплощадочные одно- и двусторонние, за исключением двусторонних с признаками снятия в продольно-поперечном направлении, и нуклеусы леваллуазской традиции. Орудийный набор характеризуется многочисленностью типов изделий. Прослеживается развитие ряда типов изделий, присущих первому этапу: пластинки со следами брюшковой, противолежащей и двусторонней ретуши, листовидные плоские симметричные и асимметричные бифасы, бифасы овальные, с обушком и нуклевидные, скребла на нуклеусах и отщепах

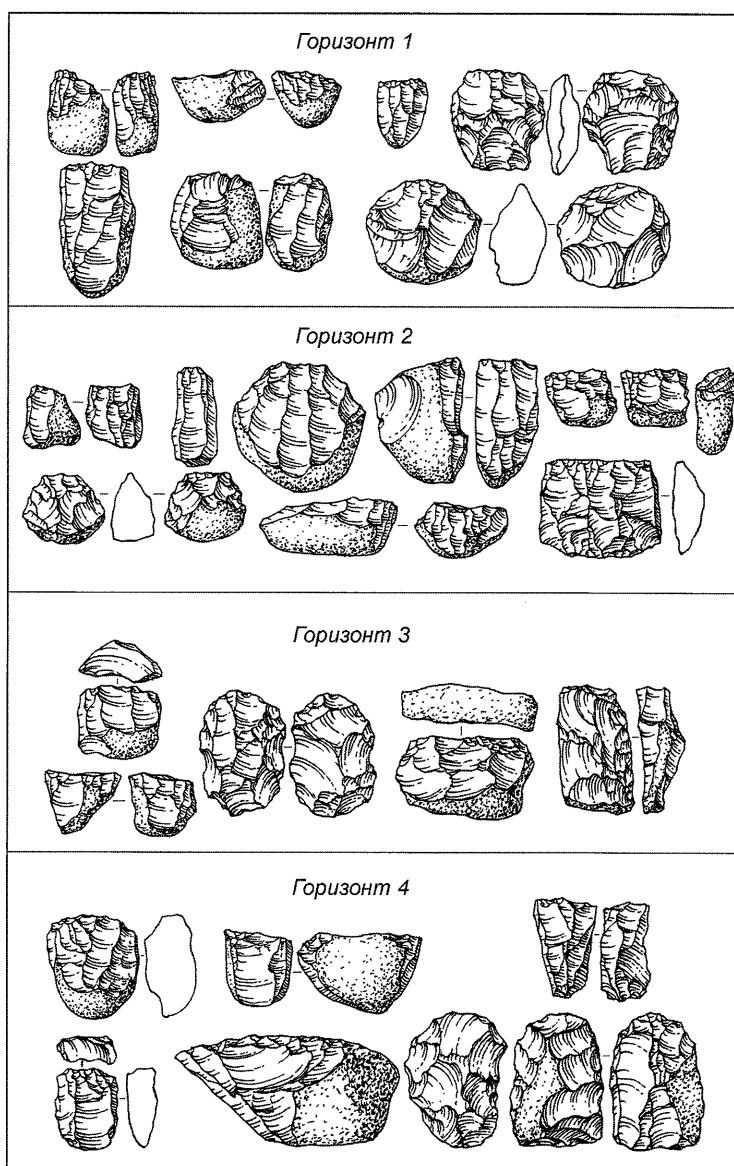

Рис. 6. Пластинчатые нуклеусы селемджинской культуры.

с боковым выпуклым краем с дорсала, выемчатые, ретушированные на отщепе с вентрала, долотовидные орудия, чопперы и струги, ретушированные отщепы. Представлена серия новых типов изделий: 1) пластины и пластинки с ретушированным краем с лицевой стороны; 2) скребки концевые и боковые обычные, периметральные, с “носиком” и узким лезвием, угловые макроскребки; 3) резцы угловые, двойные, диагональные, нуклевидные, двугранные асимметричные с ретушированными краями; 4) скребла на отщепах и пластинах, ретушированные с лицевой и оборотной сторон, двойные на отщепах с противолежащими краями, из галек и нуклеусов с признаками двусторонней обработки рабочего края; 5) выемчатые орудия одинарные, ретушированные на отщепе с дорсала и на пластине с вентрала, двусторонне ретушированные

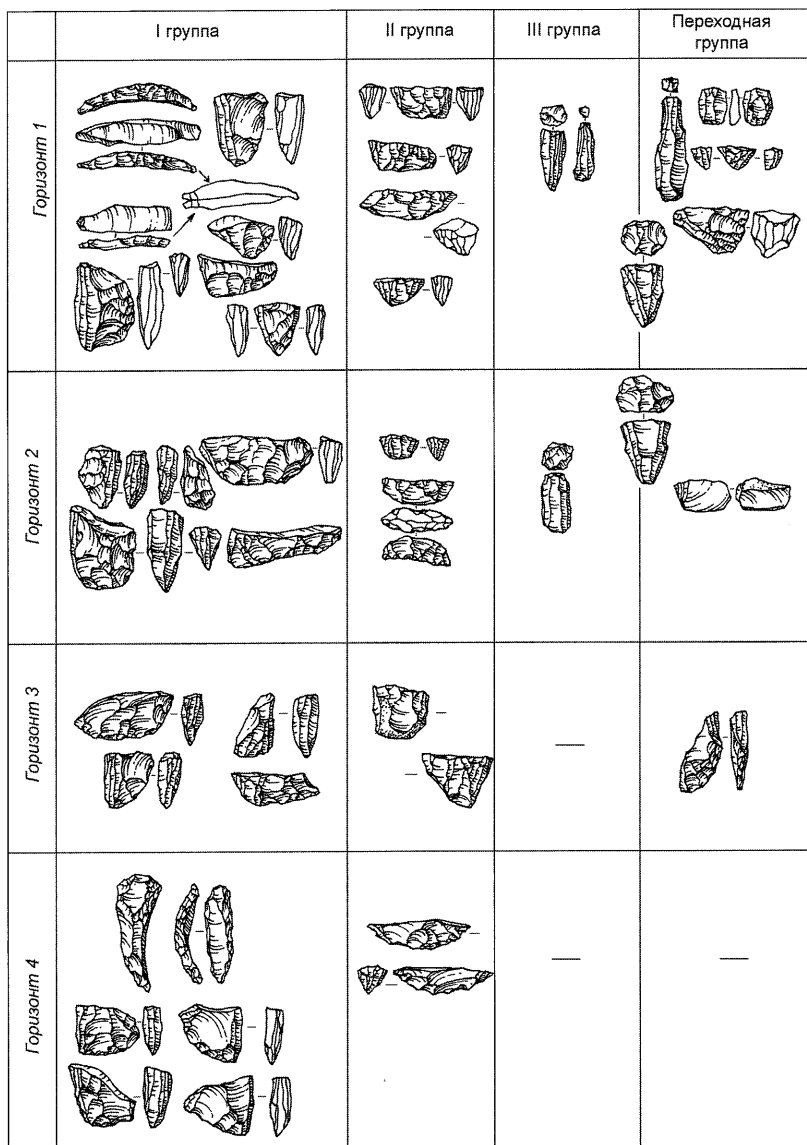

Рис. 7. Микронуклеусы селемджинской культуры.

на пластине; 6) сверла на пластинках; 7) бифасы-“рубильца”, треугольные, округлые, листовидные асимметричные толстые; 8) отщепы со следами противоположащей и чередующейся ретуши, чопперы с двумя рабочими краями и галечные орудия, подвергавшиеся двусторонней обработке на поперечном крае.

На третьем этапе (18–13 тыс. л.н.) в индустрии сохраняются все типы нуклеусов, характерные для предыдущего этапа, и появляются новые типы ядрищ – одноплощадочные двусторонне-сопряженные и двуплощадочные односторонние с признаками снятий в продольно-поперечном направлении. В орудийном наборе продолжают использоваться пластины с признаками лицевой ретуши по краю, пластинки, ретушированные с лицевой и оборотной сторон; скребки концевые на отщепах и пластинах, обычные и мак-

роскребки; скребки с “носиком”, периметральные, боковые, резцы угловые, диагональные и нуклевидные; скребла на отщепах двойные, периметральные, боковые, ретушированные с лицевой и оборотной сторон; скребла из нуклеусов; выемчатые, ретушированные на отщепах с вентрала, долотовидные орудия; бифасы (за исключением треугольных); ретушированные отщепы, отбойники и струги. Появляется серия новых типов изделий: 1) пластины со следами брюшковой и противоположащей ретуши, пластины с косо-ретушным краем, обработанным со стороны дорсала, пластинки с ретушированными с дорсала, поперечным и сломанным краями, микропластинки с признаками брюшковой ретуши; 2) концевые макроскребки с ретушированными краями, макроскребки и скребки обычные на широких отщепах, микроскребки; 3) резцы двугранные асимметричные, резцы двугранные симметричные, с ретушированными краями и клювовидные; 4) скребла на пластинах боковые, двойные и угловатые, ретушированные с лицевой поверхности, скребла на отщепах с поперечным вогнутым краем и боковым вогнуто-выпуклым краем, обработанным с дорсала, скребки на отщепах угловатые, двойные и конвергентные, обработанные с дорсала, скребла на плоскости раскалывания; 5) выемчатые ретушированные на пластине с дорсала, тесловидные орудия, орудие на широкой галечной плитке; 6) бифасы листовидные симметричные толстые и листовидные асимметричные на первичном сколе.

ла, тесловидные орудия, орудие на широкой галечной плитке; 6) бифасы листовидные симметричные толстые и листовидные асимметричные на первичном сколе.

На четвертом этапе селемджинской культуры, который характеризуется переходом от бескерамического периода каменного века к неолиту, в индустрии наблюдается уменьшение доли клиновидных, торцовых, дву- и одноплощадочных нуклеусов, возрастает количество дисковидных ядрищ и призматических нуклеусов, среди которых преобладают микропризматические. В группе двуплощадочных нуклеусов сохраняются ядрища односторонние с признаками снятий во встречном направлении и двусторонние со следами снятий в параллельных, но противоположных направлениях. Отсутствуют нуклеусы леваллуазской традиции. Среди орудий имеются пластины, ретуширо-

ванные с лицевой стороны, и микропластинки с признаками брюшковой ретуши; скребки концевые, боковые макроскребки, скребки на широких отщепах, с “носиком” и угловые; диагональные резцы и клювовидные; скребла на отщепах боковые, поперечные, причем доля скребел резко снижается. В этот же реестр входят: 1) выемчатые орудия на отщепах, ретушированные с брюшка, тесловидные орудия, отбойники, струги, сверла; 2) отщепы с признаками лицевой, оборотной и чередующейся ретуши; листовидные симметричные и асимметричные плоские бифасы, а также листовидные асимметричные толстые. Отмечено появление новых инструментов. Эта группа включает: 1) крупные пластины, ретушированные с лицевой поверхности, пластины с признаками двусторонней ретуши по краям и лицевой ретуши на поперечном крае, пластинки со следами оборотной и чередующейся ретуши; 2) двойные макроскребки и скребки концевые с “шипом”; 3) резцы двугранные симметричные, двугранные с пряморетушированным краем, двугранные асимметричные с вогнутым ретушированным краем; 4) выемчатые одинарные ретушированные орудия на гальке и двойные ретушированные на осколке, проколки на отщепах, дисковидные орудия и галечные орудия с двусторонне обработанным продольным краем; 5) листовидные асимметричные плоские бифасы на первичном отщепе, листовидные наконечники стрел, атипичные клинки на сланцевых плитках.

Селемджинская культура имеет исключительно важное значение для понимания многих процессов, связанных со становлением и развитием микроиндустрий в Восточной и Северной Азии. Материалы этой культуры позволяют проследить появление и развитие микроиндустрии. Сравнение удельного веса микронуклеусов и нуклеусов для снятия пластин показало, что объем микронуклеусов в культуросодержащих горизонтах снизу вверх увеличивается, появляются новые их типы, но в целом индустрия остается смешанного типа. Увеличение использования метода микрорасщепления было связано, види-

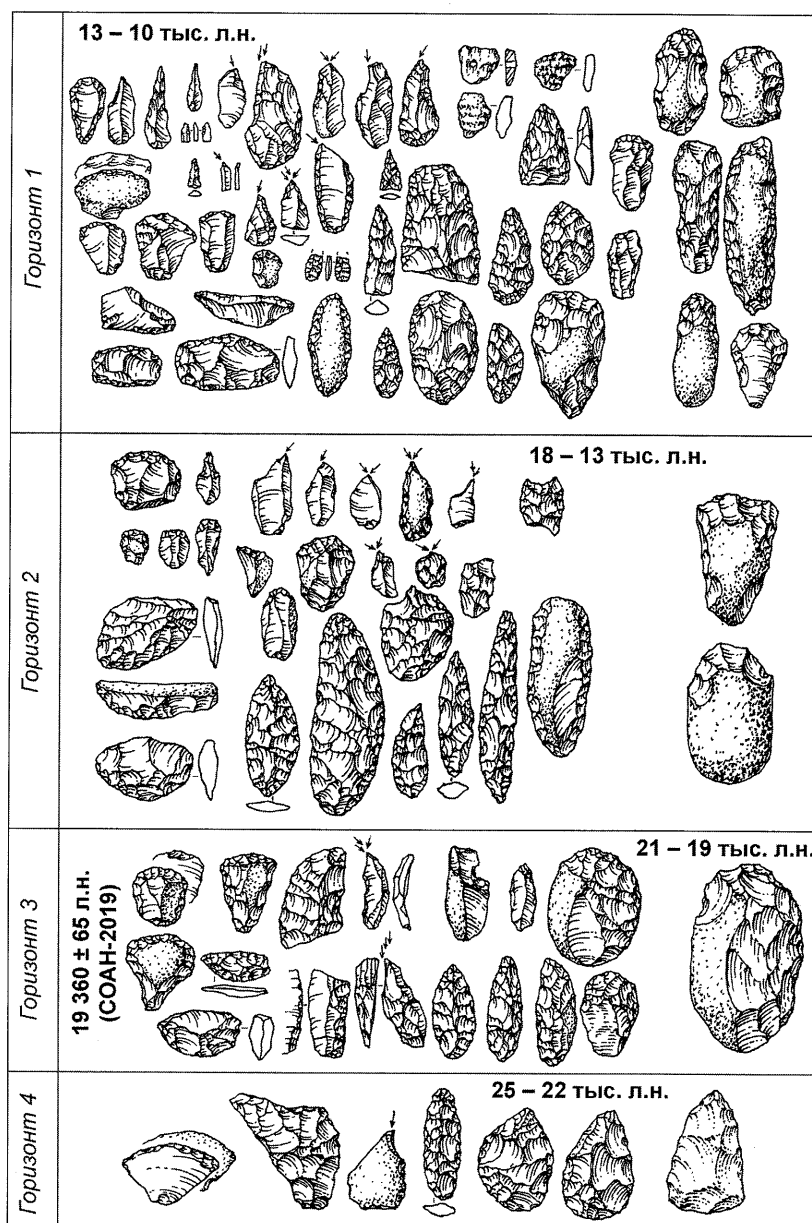

Рис. 8. Каменный инвентарь селемджинской культуры.

мо, с изменением адаптационных стратегий. В конце плейстоцена с исчезновением крупной мамонтовой фауны преобладающее значение приобрела охота на мелких животных. Функциональные определения инструментов селемджинской культуры показывают, что орудия охоты и переработки ее продуктов составляют 47,6 %, орудия рыболовства – 14, орудия для обработки дерева, кости и камня – 38,2 % [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998]. Наличие на стоянках селемджинской культуры крупных грузил свидетельствует о том, что селемджинцы имели опыт обработки растений с длинными волокнами (крапива, конопля) и изготовления из них тонких шнуров, сетей. На ряде стоянок позднего палеолита (Долни Вестонице I и II,

Павлово I и II) возрастом 22–25 тыс. лет выявлены следы ткачества [Адовазо и др., 2001]. Микропластинки могли использоваться в качестве стержней для крючков составного типа, а также вкладных лезвий для ножей, основой которых была деревянная или костяная рукоять.

Вместе с тем не следует преувеличивать значение микроиндустрии в жизни человека финального этапа верхнего палеолита. На некоторых местонахождениях этого времени микроиндустрия играла значительную роль, на других она была менее заметной. Мне не известны местонахождения, исследованные на значительной площади, на которых было бы зафиксировано абсолютное преобладание микронуклеусов и орудий на микропластинках. Увеличение роли микроиндустрии, видимо, означало существенное изменение в палеоэкономике в позднем плейстоцене и начале голоцена.

В селемджинской культуре на заключительном этапе появляется керамика. Это также является свидетельством важных изменений в быту и хозяйстве человека. У человека возникла потребность в изготовлении глиняной посуды, которая значительно расширяла возможности использования пищевых ресурсов, позволяла готовить на огне более качественную пищу.

Селемджинская культура стала основой, на которой формировались две культуры раннего неолита – гриматухинская в бассейне среднего Амура и осиповская в бассейне нижнего Амура. И ранее исследователи отмечали несомненную близость и родство этих культур [Окладников, Деревянко, 1977]. Сейчас очевидно, что обе культуры имеют один корень.

Микроиндустрия в Восточной Азии

В Восточной Азии микролитическая индустрия финального этапа верхнего плейстоцена – раннего голоцена представлена очень широко. На территории Китая самые северные стоянки зафиксированы в бассейне Амура, самые южные – в пров. Гуандун, западные – в Синьцзяне и восточные – на побережье Желтого моря. Ареал памятников с микролитической техникой простирается почти на 3,5 тыс. км с севера на юг и на 4,6 тыс. км – с востока на запад [Gai Pei, 1985]. Известны стоянки с микролитами и в Тибете. Основные местонахождения сконцентрированы на севере-востоке Китая, во Внутренней Монголии и Синьцзяне, т.е. в районах, сопредельных с Южной Сибирью и югом российского Дальнего Востока.

Наиболее ранние стоянки на территории, индустрию которых можно отнести к микролитической традиции, моложе 20 тыс. лет. Одной из наиболее ранних из них является стоянка Сячуань, расположенная на юге пров. Шаньси [Ван Цзянь, Ван Сян-

цзянь, Чэн Чжэнь, 1978] (рис. 9). На местонахождении найдены 219 нуклеусов: 100 конусовидных, 51 субконусовидный, 19 ладьевидных, 15 клиновидных, 10 призматических, 24 воронкообразных, с которых микропластины снимались с двух противоположащих торцов. Наиболее многочисленную группу составляют конусовидные и субконусовидные нуклеусы, с которых снимались крупные ножевидные пластины. Микронуклеусов сравнительно немного, хотя в целом индустрию можно отнести к пластинчатой.

Орудийный набор стоянки представлен концевыми скребками на пластинах высокой формы, которые типологически близки к ладьевидным микронуклеусам, миниатюрными скребками с округлым лезвием, изготовленными на отщепах, удлиненными двусторонне обработанными бифасиальными остроконечниками, диагональными и многофасеточными резцами с элементами ретуши, ретушированными крупными ножевидными пластинами, которые могли использоваться как ножи или вкладышевые лезвия для ножей. Для стоянки Сячуань было получено шесть радиоуглеродных дат: от $14\,450 \pm 900$ л.н. (ZK-385) до $21\,950 \pm 100$ л.н. (ZK-417). Реальный возраст этой стоянки, видимо, 14–16 тыс. л.н.

Ориентировочно к этому времени относится пещерная стоянка Сяонаньхай, расположенная в 30 км от г. Аньян, пров. Хэнань [Ань Чжиминь, 1965] (рис. 10). На ней при раскопках обнаружено ок. 7 тыс. каменных изделий. Первичное расщепление связано с торцовыми, призматическими, клиновидными, цилиндрическими и др. типами нуклеусов. Небольших размеров ножевидные пластины были сколоты с некрупных торцовых и цилиндрических нуклеусов, сработанных до предела. Орудия изготавливались в основном на отщепах и пластинах. Выделяются различной формы скребки на отщепах и пластинах, остроконечники небольших размеров на пластинчатых сколах с ретушированным острием. Пещерная стоянка Сяонаньхай важна в том плане, что в ее индустрии преобладают крупные пластины.

Значительно более отчетливо прослеживается микроиндустрия на стоянке Линцзин в уезде Сюйчан пров. Хэнань (рис. 10, 1–13). Ее обитатели производили первичное расщепление в основном торцовых, конических и клиновидных нуклеусов небольших размеров. Из орудий наиболее типичны остроконечники, концевые скребки, резцы, ретушированные пластины и отщепы.

Микролитическая традиция на территории Китая получила распространение, видимо, позже 15 тыс. л.н. Ее представляют материалы хорошо известной в научной литературе стоянки Хутоулян, расположенной на р. Шанган в пров. Хэбэй, примерно в 80 км западнее Пекина [Гай Пэй, Вэй Ци, 1977; Gai Pei, 1985]. Они отражают преобладание способа первичного раскалы-

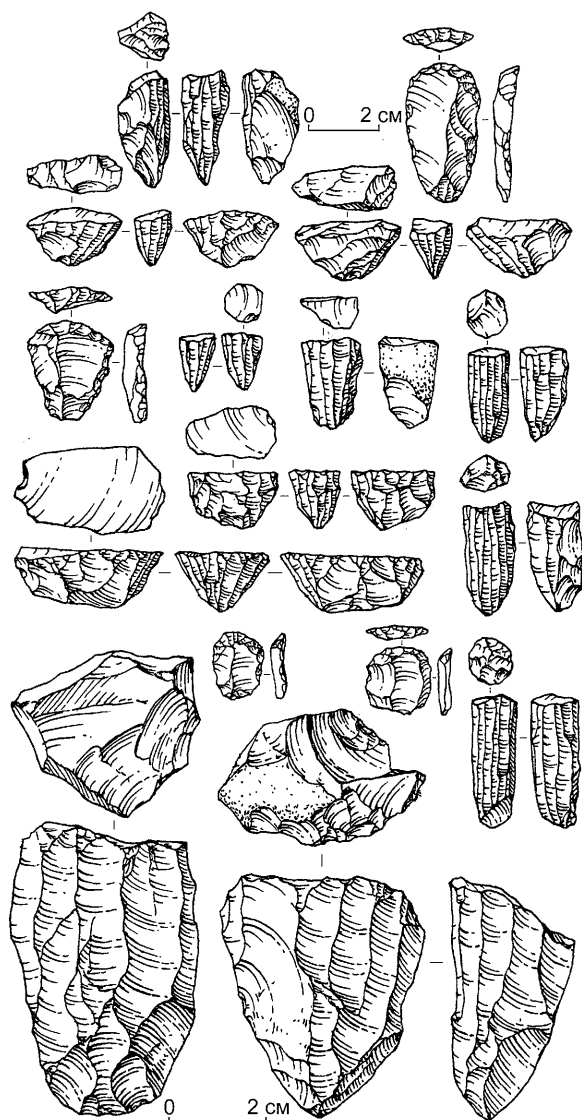

Рис. 9. Каменный инвентарь стоянки Сячуань.

вания – микрорасщепления (рис. 11, 12–22). Наиболее многочисленны клиновидные нуклеусы на бифасах и специальных заготовках, торцовые ядрища типов хороко, тогэсита, а также призматические и подпризматические. В основном на пластинах и микропластинах изготавливались резцы, скребки, вкладышевые лезвия. Обнаружены хорошо оформленные бифасы правильной формы. При раскопках были найдены очаги и большое количество костей диких животных. Возраст стоянки 11–13 тыс. лет. Индустрия имеет много общих черт с селемджинской культурой позднего этапа.

Другим примером микролитической традиции является коллекция со стоянки Дунхуашань, которая находится в пров. Хэбэй (см. рис. 11, 12–22). Для нее характерны ладьевидные, торцовые и призматические нуклеусы, изготовленные на бифасах [Сэ Фэй, 1989]. Среди каменного инвентаря преобладают

орудия, сделанные из пластин и микропластин. На стоянке найдены концевые скребки небольших размеров, боковые скребки на отщепках, остроконечники на пластинах с признаками односторонней ретуши, диагональные резцы. По времени стоянка близка к стоянке Хутуолян.

Большая серия местонахождений, относящихся к 13–10 тыс. л.н., открыта во Внутренней Монголии, в бассейне Амура, на северо-востоке Китая. Все местонахождения с микролитической индустрией по принципам первичного расщепления, типам и технике изготовления каменных орудий имеют удивительное сходство с местонахождениями в Восточной Монголии и на юге российского Дальнего Востока, особенно со стоянками, на которых выявлен инвентарь поздних этапов селемджинской культуры.

По мнению большинства археологов, пластинчатая и микроиндустрия зародились на территории Китая и в дальнейшем распространились на сопредельные территории Центральной, Северной и Восточной Азии. Наиболее детально эта гипотеза была обоснована одним из выдающихся исследователей древних культур Китая Цзя Ланьпо. «Культура Северного Китая, – отмечал он, – разделяется на две большие сис-

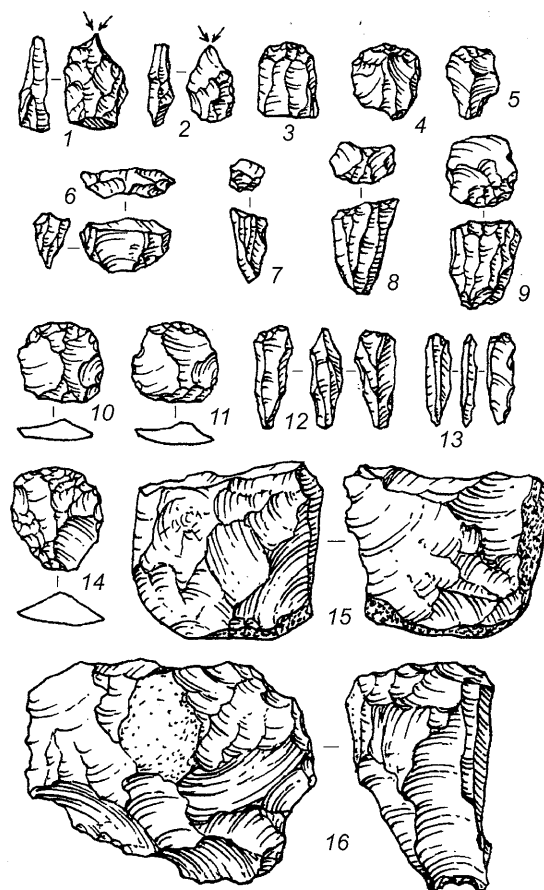

Рис. 10. Каменный инвентарь со стоянок Линцзин (1–13) и Сяонаньхай (14–16).

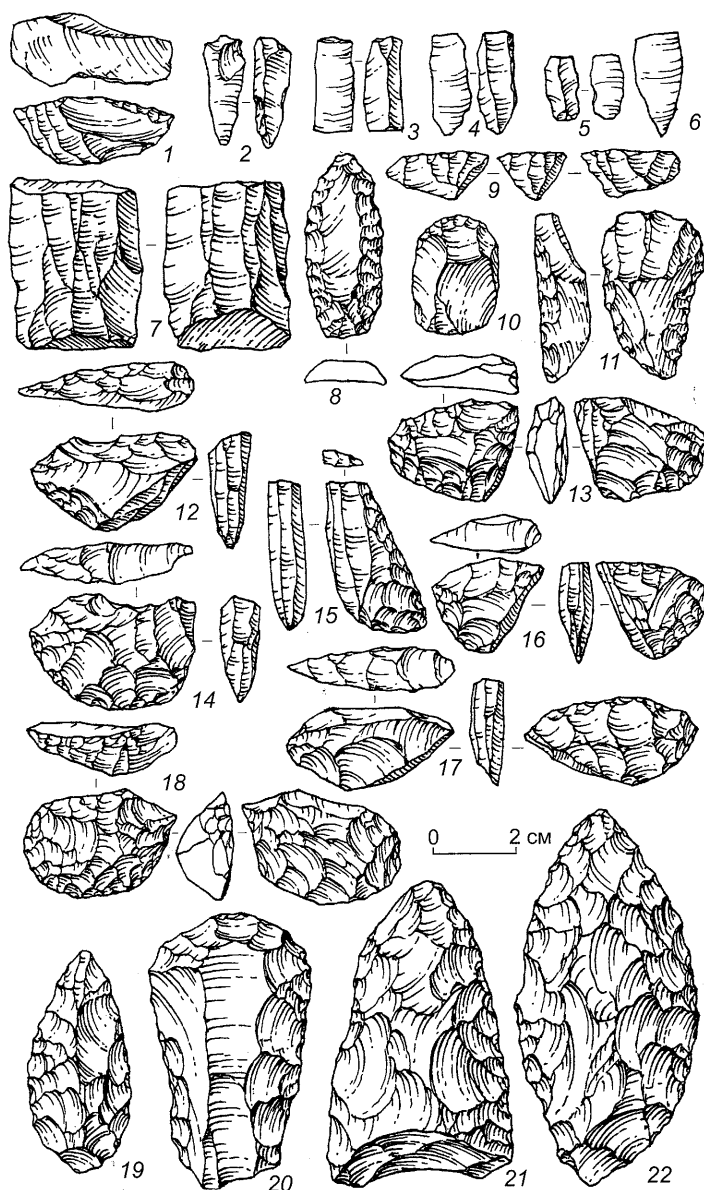

Рис. 11. Каменный инвентарь стоянок Дунхуашань (1–11) и Хутоулянь (12–22).

темы: 1 – система кэхэ Динцунь (традиция крупных отщеповых рубящих орудий и тяжелых трехгранных остероконечников); к этой традиции принадлежат культура ланьтяньского человека со стоянки Гунванлинь в уезде Ланьтянь пров. Шаньси, культура кэхэ в уезде Жуйчэн пров. Шаньси, культура динцунь в уезде Сяньфань пров. Шаньси, недавно обнаруженная культура эмаокоу в уезде Хуайжэнь пров. Шаньси; 2 – система Чжоукоудянь № 1 (стоянка пекинского человека Чжуйюй – традиции скребков в форме лодки и резцов), к которой относятся культура пекинского человека Чжоукоудянь, культура сюйцзяо в уезде Янгао пров. Шаньси, культура чжуйюй в уезде Шюсянь пров. Шаньси, культура сяонаньхай в

уезде Аньян пров. Хэнань, впоследствии развившиеся в мезолитические и более поздние микролитические культуры. Поскольку все древние местонахождения сконцентрированы в северных районах Китая, то есть основания считать, что они берут свое начало в Северном Китае» [Цзя Ланьпо, 1984]. Пусть простят меня мои коллеги за столь длинную цитату, но эту точку зрения поддерживают многие китайские археологи.

На Корейском полуострове микролитическая техника появилась после 18–17 тыс. л.н. Она представлена в трех комплексах местонахождений в бассейнах Букхан-Хончон, Гым-Намхан, Босон-Сомджин [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998]. Стоянка Хахвагери расположена на берегу р. Хончон в районе Кануон-До (рис. 12, 1–9). При раскопках здесь найден 7 151 артефакт, из них 5 958 экз. (88,3 %) сделаны из кварца, 834 экз. (11,7 %) – из обсидиана. Среди находок наиболее многочисленными являются скребки (841 экз.), резак (281 экз.), ножи (115 экз.), резцы (137 экз.), острия (104 экз.), концевые скребки (96 экз.), вкладыши (21 экз.), наконечники стрел (36 экз.), микронуклеусы (26 экз.), ладьевидные технические сколы, а также крупные изделия типа рубящих орудий, скребла. Индустриальный облик этой стоянки определяют ретушированные пластины и микронуклеусы разных типов. Среди микронуклеусов наиболее типичными являются клиновидные, сделанные из бифасов, призматические, клиновидные на специальной заготовке. В состав инвентаря стоянки входят многочисленные микропластины с признаками мелкой ретуши, диагональные резцы, концевые скребки на пластинах. Стоянка Хахвагери относится к 15–12 тыс. л.н. Стоянка Сокджанри расположена в бассейне р. Гым-Намхан в районе Чунчоннам-До. Из 6 тыс. обнаруженных здесь артефактов выделено 2 758 орудий, в т.ч. 57,91 % из кварца. Наиболее многочисленную группу составляют боковые (639 экз.) и концевые (598 экз.) скребки, резцы (584 экз.) и острия (414 экз.). Среди микронуклеусов выделены ладьевидные, клиновидные из бифасов и призматические. Техничко-типологические особенности этой стоянки обусловлены наличием грубых крупных орудий из кварца, диагональных резцов с ретушью, микронуклеусов и орудий на микропластинах, признаков пластинчатой техники, преобладанием орудий на отщепах, среди орудий – скребков различных модификаций. Для стоянки имеется дата: 20 830 тыс. л.н., но, возможно, она удревнена; время бытования памятника – не ранее 17 тыс. л.н.

Одним из самых известных позднелепеолитических местонахождений на Корейском полуострове является стоянка Суянгэ, расположенная в бассейне р. Гым-Намхан в районе Чунчонбук-До [Ли Юнджо, 1984, 1985; Lee Yung-Jo, Yun Yone-Hyun, 1992]. Большинство орудий изготовлено из кремневых и черных сланцев, а также обсидиана и хрусталя. В отличие от многих других стоянок в Суянгэ не использовался кварц. В инвентаре стоянки имеется большое количество пластин (рис. 12, 10–17). Представлены двусторонне обработанные орудия, бифасы, чопперы, скребки высокой формы типа карене, боковые скребки мустьеровидной формы, сегментовидные концевые, концевые, круглые скребки с признаками двусторонней обработки, острия с черешком, резцы, лыжевидные сколы, отбойники, наковальни, бифасы. Отмечены микронуклеусы трех типов: клиновидные на бифасах, подпризматические и торцовые. Особую группу составляют острия с черешком, изготовленные на крупных пластинчатых отщепках. Один или два края обрабатывались крутой одно- и многорядной ретушью. Тщательно ретушировался черешок. Многие наконечники асимметричные в плане; возможно, они использовались не только и не столько в качестве метательных орудий, а как ножи или скребла. Абсолютная дата палеолитического культуросодержащего горизонта стоянки – 16 400 л.н. (URS-2078).

На Японских островах микролитическая техника была распространена повсеместно. Здесь зафиксировано более 500 местонахождений, в инвентаре которых имеются микронуклеусы и орудия на микропластинах. На о-ве Хоккайдо обнаружено 109, на о-ве Кюсю – 221 таких местонахождений. Одна из причин столь широкого распространения пластинчатой индустрии на территории Японии – наличие соответствующего сырья – обсидиана и кремнистых пород. Распространение пластинчатой индустрии на островах с материка происходило по северному пути: материк – Сахалин – Хоккайдо – Хонсю и южному: материк – Корейский полуостров – Кюсю – Хонсю.

Пластинчатая индустрия появилась на территории Японии позже 30 тыс. л.н. На целом ряде местонахождений на о-ве Хонсю первичное расщепление представляют ядрища, с которых скалывались ножевидные

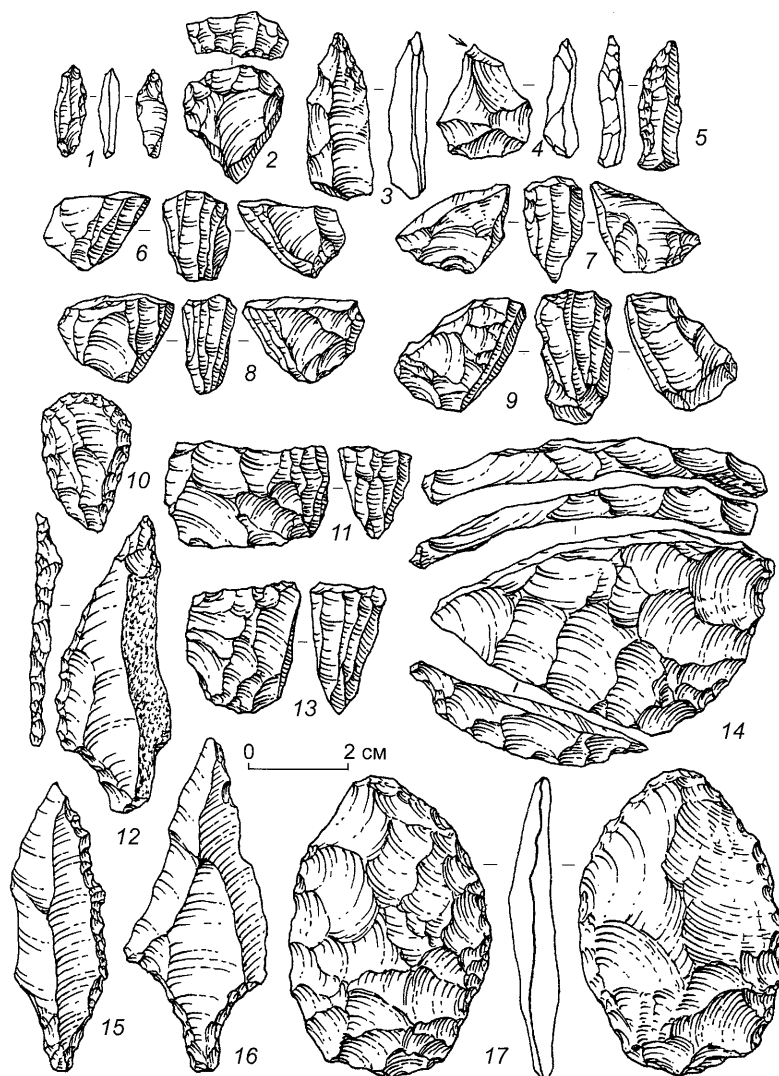

Рис. 12. Каменный инвентарь стоянок Хахвагери (1–9) и Суянгэ (10–17).

пластины. Мне не совсем ясно, в результате чего здесь появилась пластинчатая техника – самостоятельного развития более древних индустрий или, как на Корейском полуострове и на территории Китая, проникновения древних популяций с пластинчатой индустрией.

Микроиндустрия на о-ве Хоккайдо датируется ок. 17 тыс. л.н. Примерно 18 тыс. л.н. Японские острова представляли собой полуостров, который соединялся на севере через Сахалин и Хоккайдо с материком [Kotani, 1969]. Корейский пролив представлял собой мелководный канал, отделявший Кюсю от материка. Именно в это время на Хоккайдо появилась техника хороко. Около 15 тыс. л.н. в северной части территории Японии на стоянках в первичном расщеплении широко распространяются техники юбецу, тогэсита и др., появление которых связано с материковыми культурами. В позднелепеолитических местонахождениях на Японских островах отмечается

большое разнообразие типов микронуклеусов. Некоторые типы микронуклеусов территории, возможно, проникли на материк [Kimura, 1990, 1994], т.е. на финальном этапе палеолита связи древнего населения были разнообразными.

Обмен инновациями в технологии хорошо прослеживается и на юге Восточной Азии: 15–16 тыс. л.н. на о-ве Кюсю и на юге Корейского полуострова получили распространение микролитические трапезиевидные изделия и наконечники типа суянгэ. Установить генезис этих инноваций предстоит будущим исследованиям.

Заключение

Зарождение пластинчатой индустрии на востоке Евразии относится к переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту. Этот процесс отразили материалы многослойных, хорошо стратифицированных местонахождений в бассейнах Ануя и Урсула. Комплексные исследования пещерных и открытых стоянок, проводившиеся в последние 25 лет, позволили проследить развитие палеолитических индустрий раннего, среднего палеолита и переходного периода от среднего к позднему палеолиту.

На финальном этапе среднего палеолита (50–60 тыс. лет) в первичном расщеплении наметились тенденции к переходу плоскостных нуклеусов к торцовым и подпризматическим. В период формирования верхнепалеолитической индустрии (40–50 тыс. лет) сложились две традиции в обработке камня, которые можно назвать культурами – карабумовская и каракольская. Карабумовская культура характеризуется в основном торцовыми и подпризматическими ядрищами и орудиями, оформленными на крупных пластинах. Каракольскую культуру представляют небольшие клиновидные, торцовые, призматические нуклеусы для снятия небольших пластин и микропластины, скребки высокой формы типа карене, оформленные микроснятиями, и др. инвентарь. Возможно, аналогичным образом происходили переход от среднего к позднему палеолиту и формирование пластинчатой индустрии на территориях Монголии, Прибайкалья и Забайкалья, но, чтобы подтвердить это предположение в будущем, здесь необходимо открыть и исследовать новые местонахождения среднего палеолита, которые позволят более четко проследить все особенности и закономерности перехода к верхнему палеолиту.

Пластинчатая индустрия ок. 25 тыс. л.н., приобретающая характер микроиндустрий, стала распространяться в районах Дальнего Востока. На ее основе в бассейнах Зеи и среднего Амура формировалась селемджинская культура (25–12 тыс. л.н.), которую представляют различные модификации торцовых и клиновидных нуклеусов и бифасиально обработан-

ные остроконечники [Derev'anko, 1990; Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998]. В отложениях, соответствующих (14–18 тыс. лет) второму этапу селемджинской культуры, на стоянках представлены практически все типы микронуклеусов, характерные для микроиндустрии в Северной и Восточной Азии.

Продвижение носителей селемджинской культуры в бассейн Алдана (дюктайская культура, 10–18 тыс. лет) и далее на северо-восток Азии и по Берингийскому мосту в Америку положило начало первоначальному заселению Америки. Открытие Янской стоянки, радиоуглеродный возраст которой ок. 27 тыс. лет [Pitulko et al., 2004], если подтвердится это определение, ставит перед исследователями новые проблемы, но это тема отдельного исследования.

В китайско-малайской зоне, где нельзя выделить средний палеолит такого же типа, как в остальной части Евразии, середину позднего плейстоцена характеризует значительное увеличение орудий труда на отщепах, в т.ч. на небольших сколах. В палеолите на территориях Китая, Корейского полуострова и Японии ввиду отсутствия в первичном расщеплении леваллуазской техники пластинчатая индустрия появилась позже 30 тыс. л.н. На территорию Китая эта индустрия проникла из Южной Сибири и с территории Монголии, на Корейский полуостров – с российского Дальнего Востока и, возможно, Северо-Восточного Китая. На о-ве Хоккайдо микроиндустрия появилась в результате инфильтрации через Сахалин популяций с Дальнего Востока, а на о-ве Кюсю микроиндустрия проникла с территории Кореи ок. 18 тыс. л.н.

Список литературы

- Адовазно Дж.М., Соффер О., Хиланд Д.С., Иллиг-ворт Дж.С., Клима Б., Свобода И. Производство изделий из недолговечных материалов в Долни Вестонце I: Новый взгляд на природу и происхождение граветта // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2 (6). – С. 48–65.
- Аксенов М.П., Бердников М.А., Медведев Г.И., Пер-жаков С.Н., Федоренко А.Б. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря “макаровского палеолитического пласта” // Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. – С. 26–30.
- Аксенов М.П., Шуньков М.В. Новое в палеолите Верхней Лены // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1978. – Вып. 4. – С. 22–24.
- Ань Чжиминь. Контрольные раскопки палеолитических пещерных отложений вблизи Сяонаньхя, г. Аньян провинции Хэнань // Каогу сюэбао. – 1965. – № 1. – С. 1–27 (на кит. яз.).
- Ань Чжиминь. Китайские проторубила и их традиция // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1990. – № 9. – С. 303–311 (на кит. яз.).

Археологические исследования Российско-монгольской американской экспедиции в Монголии в 1996 году / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвэндорж, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, С.В. Николаев, В.П. Мильников, Р.У. Ривс, Б. Гунчинсүрэн, Я. Цэрэндагва. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 344 с.

Бэ Г.Д. Джонгокри. – Сеул: Сеулдехаггё, 1989. – 74 с. (на кор. яз.).

Ван Цзянь, Ван Сянцянь, Чэн Чжэнь. Культура сячуань (доклад о раскопках памятника Сячуань в провинции Шаньси) // Каогу сюэбао. – 1978. – № 3. – С. 259–288 (на кит. яз.).

Ван Юйпин. Палеолитическая стоянка Шуйдунгоу // Каогу. – 1962. – № 11. – С. 588–589 (на кит. яз.).

Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. – М.: Изд-во Ун-та Рос. акад. образования, 1999. – 152 с.

Гай Пэй, Вэй Ци. Открытие позднелитического стоянки Хутоулянь // Гуцзи чжуйдунъю юй гужэньлэй. – 1977. – Вып. 25, № 4. – С. 286–301 (на кит. яз.).

Деревянко А.П. Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии: Курс лекций. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1975. – 232 с.

Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 215 с.

Деревянко А.П. Палеолит Японии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 272 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 70–103.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 22–36.

Деревянко А.П., Волков П.В. Эволюция расщепления камня в переходный период от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2 (18). – С. 21–35.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднелитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня: (Опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 170 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй-1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 31–42.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Верхнелитические комплексы пещеры Страшная // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – Вып. 6. – С. 24–26.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1992. – 87 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И., Гунчинсүрэн Б. Исследо-

вания пещеры Цаган-Агуй совместной Российско-американско-монгольской экспедицией в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 122–134.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Ф. Много-слойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 23–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Своеобразная каменная индустрия с северного побережья Долины Озер // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 3–39.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Николаев С.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Кривошапкин А.И., Чевалков Л.М. Стоянка Кара-Тенеш – памятник начальной поры позднего палеолита // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 205–238.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 279 с.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрия с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнелитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Зыкин В.С., Маркин М.М. Новый раннелитический комплекс в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 84–89.

Ёсидзаки М. Поселение Сиратаки и докерамические культуры Хоккайдо // Миндзокугаку кэнкю. – 1962. – № 26 (1). – С. 13–23 (на яп. яз.).

Ёсидзаки М. Японский народ с точки зрения археологии // Миндзокугаку кэнкю. – 1967. – № 21 (1). – С. 14–18 (на яп. яз.).

Зубов А.А. Палеонтологическая родословная человека. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. – 551 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН, 1994. – 180 с.

Константинов М.В., Сумароков В.Б., Филиппов А.К., Ермолова Н.М. Древнейшая скульптура Сибири // КСИА. – 1983. – № 173. – С. 78–81.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семibrатов В.П. Восьмой культурный слой многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матери-

лы Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 159–162.

Ларичев В.Е. Нижнеплейстоценовый палеолит Китая // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 10–32.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В. К проблеме перехода от среднего к верхнему палеолиту (материалы Западного Забайкалья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 59–75.

Лбова Л.В., Волков П.В., Базаров Б.А. Семантический аспект находок 3-го уровня памятника Хотык (Западное Забайкалье). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 101–103.

Лбова Л.В., Намсараев Д.В. Стратифицированные комплексы среднего палеолита. Местонахождение Хотык (Западное Забайкалье) // К проблеме каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 124–125.

Линь Шэнлун. Рецензия на книгу “Средний плейстоцен котловины Байсэ Южного Китая в плане аналогий с техникой ашельских каменных орудий” // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2002. – № 21. – С. 118–131 (на кит. яз.).

Линь Шэнлун, Хэ Найхань. О рубилах Байсэ // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1995. – № 14. – С. 118–131 (на кит. яз.).

Ли Сон Бок. Палеолит Северо-Восточной Азии. – Сеул: Сеулдехаггё, 1989. – 283 с. (на кор. яз.).

Ли Хонджон. Исследование культуры среднего палеолита на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2 (10). – С. 87–104.

Ли Хонджон. Переходный период от среднего к позднему палеолиту и традиция орудий на отщепеных на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 65–79.

Ли Юнджо. Палеолитическая стоянка Данъян Суянге // Чунджудэм сунольжигу мунхва ю чжок пальгуль пого (Докл. о раскопках памятников в районе Чунджудэм). – Чунджу: [Б.и.], 1984. – С. 101–186 (на кор. яз.).

Ли Юнджо. Палеолитическая стоянка Данъян Суянге // Чунджудэм сунольжигу мунхва ю чжок пальгуль пого (Докл. о раскопках памятников в районе Чунджудэм). – Чунджу: [Б.и.], 1985. – С. 101–252 (на кор. яз.).

Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 44 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внутропической прародины человечества. – Новосибирск: Наука, 1992. – 252 с.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 286 с.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии: Мойлтын ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 459 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003. – 448 с.

Ранов В.А. Ранний палеолит Китая (изучение и современные представления). – М.: ИНКВА, 1999. – 110 с.

Се Гуанмао. Изучение рубил Байсэ // Сб. статей к 30-й годовщине открытия стоянки Хуанъяньдун. – Гуанчжоу: [Б.и.], 1991. – С. 32–41 (на кит. яз.).

Се Гуанмао. К вопросу о рубилах Байсэ // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2002. – № 21. – С. 65–72 (на кит. яз.).

Се Гуанмао, Ли Цзянь, Хуан Цишань. Палеолитическая индустрия Байсэ. – Пекин: Вэньу, 2003. – 180 с. (на кит. яз.).

Се Фэй. Открытие микролитического местонахождения в южных отрогах гор Яньшань // Каогу. – 1989. – № 11. – С. 966–970 (на кит. яз.).

Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чиркин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт, 2005. – 87 с.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии: Материалы Междунар. науч. конф. К 70-летию В.Е. Ларичева. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 159–164.

Ташак В.И. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 70–78.

Тун Энчжэнь. Ручные рубила с Тибетского нагорья // Каогу. – 1989. – № 9. – С. 822–826 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь. Китайские рубила // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 1987. – № 6. – С. 61–68 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Чжан Чжэньхун. Индустрия каменных орудий латерита Южного Китая // Сб. статей к 30-й годовщине открытия стоянки Хуанъяньдун. – Гуанчжоу: [Б.и.], 1991. – С. 18–26 (на кит. яз.).

Хуан Вэйвэнь, Си Найхан, Сагава Масатоси. Комплексное изучение ручных рубил, найденных на стоянках Байсэ в Гуанси, Китай. – Пекин: Вэньу, 2001. – 201 с. (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо. Особенности микролитических орудий в Китае, их традиции, происхождение и распространение // Избранные труды по палеолиту Китая. – Пекин: Вэньу, 1984. – С. 194–201 (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ю Юйчжу. Отчет о раскопках палеолитической стоянки Чжиной и других палеолитических стоянках провинции Шаньси // Каогу сюэбао. – 1972. – № 2. – С. 39–60 (на кит. яз.).

Цзя Ланьпо, Гай Пэй, Ли Яньсянь. Новые материалы с палеолитической стоянки Шуйдунгоу // Vertebrata Palasiatica. – 1964. – Vol. 8 № 1. – С. 75–83. (на кит. яз.).

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 64–76.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 125–138.

Anton S., Aziz F., Ziam Y. Plio-Pleistocene Homo: Patterns and determinants of dispersal // Humanity from African nassence to coming millennia: Witwatersrand. – Firenze, 2000. – P. 91–103.

Bada J.K. Paleoanthropological applications of amino acid racemization dating of fossil bones and teeth // Anthropologischer Anzeiger. – 1987. – N 45. – P. 1–8.

- Bartstra G.J., Soegondho S., Wijk A.** Ngandong Man: Age and Artifacts // *J. of Human Evolution*. – 1988. – N 17. – P. 325–337.
- Bordes F.** Le Paléolithique dans le monde. – P.: Hachette, 1968. – 255 p.
- Boule M., Breuil H., Licent E., Teilhard de Chardin P.** Le Paléolithique en Chine // *Archives de l'Institut de Le Paléontologie Humaine*. – 1928. – Mémoire 4.
- Brangttingham P.J., Gao X., Madsen D.B., Bettinger R.L., Elston R.G.** The Initial Upper Paleolithic at Shuidonggou, Northwestern China // *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe*. – Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2004. – P. 223–241.
- Chardin T.R. de, Pei Wen-chung.** Le Neolithique de la Chine. – Beijing: Institut de Geobiologie, 1944. – 100 p.
- Derev'anko A.P.** Paleolithic of Northern Asia and the Problem of Ancient Migrations (inform-operative material). – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy, 1990. – 123 p.
- Derevianko A.P., Petrin V.T.** The Levallois of Mongolia // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. – Madison: Prehistory Press, 1993. – P. 1–30.
- Derevianko A.P., Zenin A.N.** The Mousterian to Upper Paleolithic Transition through the Example of the Altai Cave and Open air Site // *Suyanggae and Her Neighbours: The 2nd International Symposium*. – Chungju, 1997. – P. 241–254.
- Gai Pei.** Microlithic Industries in China // *Paleoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the Peoples Republic of China*. – 1985. – P. 225–241.
- Goebel T., Aksenov M.** Accelerator radiocarbon dating of the initial Upper Paleolithic in Southeast Siberia // *Antiquity*. – 1995. – Vol. 69. – P. 349–357.
- Hayashi K.** The Fukui Microblade Technology and the Relationships in North-East Asia and North America // *Arctic Anthropology*. – 1968. – Vol. 5, N 1. – P. 14–32.
- Hou Y.M., Potts R., Yuan B.Y., Zhengtang G., Deino A.L., Wei W., Clark J., Guanmao X., Weiwen H.** Mid-Pleistocene Acheulian-like Stone Technology of the Bose Basin, South China // *Science*. – 2000. – Vol. 287, N 5458. – P. 1622–1626.
- Howell F.C.** A Chronostratigraphy and Taxonomic Framework of the Origins of Modern Humans // *Origins of Anatomically Modern Humans*. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1994. – P. 253–320.
- Keates S.G.** An examination of culture and evolution of Middle Pleistocene Chinese Hominids // *Human Roots. Africa and Asia in the Middle Pleistocene*. – Bristol: Specialist Press Limited, 2001. – P. 159–185.
- Kimura H.** The Microblade Technique in Northern Part of Japan // *The Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America*. – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy, 1990. – P. 83–90.
- Kimura H.** The Origin and Dispersal of the Microblade Technique in North Asia // *The Origin and Dispersal of the Microblade Technique in Northern Eurasia*. – Sapporo: [S.I.], 1994. – P. 217–229.
- Kotani Y.** Upper Pleistocene and Holocene Environment Conditions in Japan // *Arctic Anthropology*. – 1969. – Vol. 5, N 2. – P. 133–158.
- Kozlowski J.K.** The problem of the so-called Ordos culture in the light of Paleolithic finds from Northern China and Southern Mongolia // *Folia Quaternaria*. – 1971. – Vol. 39. – P. 63–99.
- Lee Yung-Jo, Yun Yong-Hyun.** Microblade Cores from Suyanggae Site // *Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America*. – Novosibirsk: [S.I.], 1992. – P. 135–146.
- Licent E., Teilhard de Chardin P.** Le Paléolithique de la Chine // *L'Anthropologie*. – 1925. – Vol. 35, N 3/4. – P. 201–235.
- Morlan R.** The Preceramic Period of Hokkaido: An Outline // *Arctic Anthropology*. – 1967. – Vol. 4, N 1. – P. 134–152.
- Morlan R.** Wedge – Shaped Core Technology in Northern North America // *Arctic Anthropology*. – 1970. – Vol. 7, N 2. – P. 17–38.
- Morlan R.** The Preceramic Period of Japan: Honshu, Shikoku and Kyushu // *Arctic Anthropology*. – 1971. – Vol. 7, N 1. – P. 18–34.
- Pitulko V.V., Nikolski P.A., Giryia E. Yu., Basilian A.E., Tumskey V.E., Koulakov S.N., Astahov S.N., Pavlova E. Yu., Anisimov M.A.** The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum // *Science*. – 2004. – Vol. 303. – P. 52–56.
- Pope G.G.** Recent advances in Far Eastern Paleoanthropology // *Annual Review of Anthropology*. – 1988. – N 17. – P. 43–77.
- Smith J.W.** The North – east Asian – North – west American Microblade Tradition // *J. of Field Archaeology*. – 1974. – Vol. 1, N 1. – P. 317–364.
- Sun J., Ke X., Sun X., Zhao J., Wei M., Li B.** Locality III stratigraphic profile, Shuidonggou, Ningxia // *Quaternary Loess Plateau*. – Beijing: Sciences, 1991. – P. 195–201.
- Weidenreich F.** Six lectures on *Sinanthropus pekinensis* and related Problems // *Bull. of the Geological Society of China*. – 1939. – N 14. – P. 1–92.
- Weidenreich F.** The skull of *Sinanthropus pekinensis*: A comparative study of a primitive hominid skull // *Paleontologia Sinica*. – 1943. – N.S. D, N 10. – P. 1–484. (S. N 127).
- Weidenreich F.** Giant early man from Java and South China // *Anthropological papers of the American Museum*. – 1945. – N 40. – P. 1–134.
- Weidenreich F.** *Apes, Giants and Man*. – Chicago: University of Chicago Press, 1946. – 122 p.
- Weidenreich F.** The trend of human evolution // *Evolution*. – 1947. – N 1. – P. 221–236.
- Wolpoff M.N., Throne A.G., Smith F.H., Frayer D.W., Pope G.G.** Multiregional Evolution: A World-wide Source from Modern Human Populations // *Origins of Anatomically Modern Humans*. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1994. – P. 176–200.
- Wood B., Turner A.** Out of Africa and into Asia // *Nature*. – 1995. – Vol. 378. – P. 339–340.
- Wu Xinzh.** On the origin of modern humans in China // *Quaternary International*. – 2004. – N 117. – P. 131–140.
- Yi Seonbok.** On the temporal change of Korea Paleolithic Industry // *World views of the Early and Middle Paleolithic in Japan: A Symposium to commemorate the 80th birthday Celebrations of Professor Chosuke Serizawa*. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1999. – P. 115–122.
- Zhou J., Hu J.** Environment and stratigraphy at the Shuidonggou site // *Acta Anthropologica Sinica*. – 1988. – N 7. – P. 263–269.

УДК 902.62

И.В. Сапожников, Г.В. Сапожникова

*Институт археологии НАН Украины
Отдел Северо-Западного Причерноморья
ул. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина
E-mail: igors@ilyichevsk.net.od.ua*

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Состояние источниковой базы

История изучения мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья* насчитывает три четверти века с тех пор, как в 1930–1931 гг. на Южном Буге были открыты первые неолитические поселения (Гард и Черноташлыцкая Стация) [Товкайло, 1998]. Благодаря исследованиям многих ученых за это время была накоплена значительная источниковая база, которая позволяет ставить и решать целый ряд проблем, в частности, вопросы хронологии и культурной интерпретации мезолитических и неолитических памятников. Вместе с тем состояние этих источников нельзя признать полностью удовлетворительным. Так, из почти 60 мезолитических стоянок и местонахождений путем стационарных раскопок были исследованы лишь три – Мирное [Станко, 1982], Саратены [Коваленко, Кетрару, 1997] и Зализничное [Смынтына, 2001–2002]. Еще на нескольких стоянках собраны репрезентативные коллекции каменных

изделий (Гребеники, Познанка, Доброжаны, Цыбулевка, Траповка, Абузова Балка и др.). Подчеркнем, что для мезолитических памятников до сих пор нет ни одной корректной абсолютной даты, поскольку единственная дата Мирного (см. *таблицу*) является явно омоложенной.

Неолитические памятники региона, которых известно ок. 20, изучены гораздо лучше. Из раскопанных назовем Саврань, Гард [Даниленко, 1969; Товкайло, 1998], Гиржево [Станко, 1967а], Гард-3 и 4, Пугач-1 и 2, Великий Остров [Товкайло, 1998, 2003, 2004а; и др.], Майнову Балку [Ларина, Петренко, Сапожников, 1999], а также пункт, где найдена керамика культуры боян, на Новосельском городище в низовьях Дуная [Бруяко, Ярошевич, 2001]. Для этих поселений получено 14 абсолютных дат, которые укладываются в интервал 7,4–5,9 тыс. л.н.

Таким образом, все раскопанные мезолитические памятники находятся между Дунаем и Днестром, а почти все неолитические поселения расположены в бассейне Южного Буга и частично в Буго-Днестровском междуречье (в долинах рек Кучурган и Тилигул).

Хронология мезолитических памятников

На протяжении длительного времени в публикациях материалов мезолитических стоянок Северо-Западного Причерноморья вопросы их хронологии, по сути, не ставились. В 1950-х – начале 1970-х гг. П.И. Борисковский [1953, 1964], Г.Ф. Коробкова [1957], Г.В. Григорьева [1960], В.И. Красковский [1965, 1972,

*Названный регион охватывает территорию от низовий Дуная до устья Днепра. Его северо-западная и северная границы наиболее условны и могут быть проведены приблизительно по линии Леово – Кишинев – Дубоссары – Саврань – Первомайск – Кривой Рог. Северо-Западное Причерноморье включает часть зоны степей (Причерноморская низменность) и лесостепей (Тигечская и частично Подольская возвышенности), рубеж между которыми пролегает приблизительно по линии: устье р. Прута – Тирасполь – Ананьев – Первомайск [Сапожников, 2003, с. 199]. В состав региона входят Одесская и западные районы Николаевской обл. Украины, а также южные районы Молдовы и Молдавского Поднепровья.